

18+

ИННА ГРИГОРЬЕВА

НЕУПОКОЕННЫЕ

ПОЛЯНА ПРИЗРАКОВ

РОМАН

Инна Григорьева

Неуспокоенные. Поляна призраков

«Издательские решения»

Григорьева И.

Неуспокоенные. Поляна призраков / И. Григорьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689533-1

После личной трагедии майор уголовного розыска Сергей Снежин обретает дар видеть призраков местного кладбища. Эти люди умерли в разные эпохи, но не смогли обрести покой. Чтобы уйти с миром, каждому из них нужно поставить точку в своих прижизненных делах. Майору удаётся не только решить проблемы призраков, но и вычислить жестокого убийцу спустя почти 60 лет. В ответ призраки помогают ему раскрыть серию исчезновения детей, совершенных в городе и пережить личное горе.

ISBN 978-5-00-689533-1

© Григорьева И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Неупокоенные Поляна призраков

Инна Григорьева

Корректор Наталия Карелина

© Инна Григорьева, 2026

ISBN 978-5-0068-9533-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Более двух веков подряд, в зимнюю стужу и летний зной, луна, звёзды и пара тусклых фонарей у ворот освещают ночное кладбище небольшого северного городка. Здесь, в тени вековых сосен, спят вечным сном представители разных эпох и сословий. Эти единственные источники света раз в год становятся безмолвными свидетелями таинства. Ближе к полуночи девятого дня после Великой Пасхи из разных уголков кладбища к небольшой поляне стягиваются полупрозрачные фигуры. Это неуспокоенные души мёртвых. Им нужен живой человек...

Глава 1

– Серёга, вставай! Ну! Опять нажрался! – Капитан полиции Вадим Рюмин пытался растолкать друга и коллегу, спящего мертвецким сном на диване в собственной квартире. – Ты и так на волоске от увольнения, а Вагиф в пятницу злющий был... Просыпайся, говорю!

– Хмр... ммм... – услышал в ответ Рюмин и ещё сильнее затряс лежащее на диване без малого двухметровое «тело», босые ноги которого торчали из-под маленького клетчатого пледа, натянутого на голову.

После нескольких безрезультатных попыток «тело» подало признаки жизни. Из клетчатого плена появилась вихрастая русоволосая голова его друга – замначальника отделения по раскрытию особо тяжких преступлений городского отдела уголовного розыска, майора полиции Сергея Алексеевича Снежина.

Антураж квартиры не вызывал сомнений в недавних событиях. Бутылки из-под коньяка, пара пустых из-под шампанского, батарея пивных банок. Это всё на полу под небольшим журнальным столиком возле дивана. На самом столике – переполненная пепельница, пустые сигаретные пачки, засохший недоеденный кулич (сегодня Пасха), скорлупа от крашенных яиц и скрючившаяся заветренная колбаса.

«С бабой, что ли, был?» – подумал Вадим и тут же нашёл подтверждение: несколько сигаретных окурков в пепельнице хранили следы яркой губной помады. Самой владелицы нигде видно не было.

– Ничего себе отпраздновали! Да встанешь ты или тебя водой облить?! – заорал Вадим на друга, который неожиданно привстал и уставился на него ничего не понимающим взглядом больших серо-зелёных глаз с длинными, девчачьими, как любили шутить мужики на работе, ресницами.

– Христос воскрес! – с укором приветствовал Вадим пробуждающееся «тело», одетое в черные спортивные штаны и рубашку поло.

– Воистину вос... А... ты как тут? – пробормотал «воскресший» Сергей, продирая слипшиеся веки. – Ох ты, мама дорогая!

Он схватился за живот, кое-как встал и босиком, запинаясь за разбросанную в коридоре обувь, поспешил в уборную.

– Двери закрывать надо. Допрыгаешься, что и хату обнесут, и самого вынесут... – крикнул ему вслед Рюмин, но Сергей не слышал.

Ему было плохо. Склонившись над унитазом, он в который уже раз ловил себя на мысли, что хуже ему ещё не было. Колокол в голове мешал собрать мысли в кучу, дико тошнило, хотя он и считал, что организму пора бы уже привыкнуть к алкоголю. Сердце то стучало быстро, то сбивалось с ритма и на секунды замирало. Было плохо и страшно. Выплеснув всё из глубины души в недра фаянсового друга, Сергей вернулся в комнату.

– Ты что-то про Вагифа говорил? – морщась от головной боли, спросил он Вадима, который попытался навести хоть какой-то порядок на столике: выбросил окурки из пепельницы, вытер столешницу, а теперь доедал остатки кулича, собирая пальцем с тарелки разноцветную посыпку.

Подполковник полиции Вагиф Аскарлович Барсаев, служивший в отделе МВД России по городу Петрогорску, являлся непосредственным начальником Сергея и Вадима. Барсаев – начальник отделения по «тяжам» – тяжким преступлениям, или, как в просторечии называют такие подразделения, убойного отдела, относился к своим подчинённым не просто по-дружески, а, можно сказать, по-отечески. Снежин ему нравился: грамотный опытный оперативник, но главное – честный мент. И как человек хороший: всегда поддержит, поможет бескорыстно, прикроет, если надо, и не выдаст.

Да и под пулями бандитскими подполковник Барсаев и майор Снежин не раз вместе оказывались. Не гнулся Серёга, не прятался за чужие спины. А что до женского пола падок, так это терпимо. И с юмором у майора всё в порядке. Бывало, спросишь у него: «Ну ты что, опять по бабам?», а тот в ответ: «Ну не по мужикам же!» Так было до тех пор, пока Снежин не женился на Любаше – светловолосой голубоглазой красотке, преподававшей русский язык и литературу в одной из местных школ. Он как-то посерьёзnel, остепенился. «Перебесился», – говорил Барсаев.

И когда два года назад Сергей, тогда уже его заместитель, потерял в аварии беременную Любашу и ещё не рождённого сына, подполковник Барсаев всё взял на себя. И похороны, и поминки, и контроль за подчинённым, который, казалось, был готов наложить на себя руки. Сергею тогда помогали всем отделом пережить горе. Кто-то на выходные приглашал на дачу, чтобы тот не оставался один на один с печальными мыслями, кто-то угощал присланными с юга роднёй разносолами, опер Гриша Клименко умудрился через папу-генерала выбить Сергею путёвку в санаторий, хотя должен был ехать сам – сломанную руку реабилитировать. И к тому, что сейчас, спустя два года после катастрофы, здоровый сорокатрёхлетний мужик, офицер, так и не пришедший в себя после двойной потери, пускается во все тяжкие, Вагиф Аскарлович относился с пониманием, но терпение его иссякало. Сергей в периоды трезвости это прекрасно понимал, но вновь отправлялся в поход по кабакам и клубам в поисках утешения.

– Вагиф сказал, что устал от твоих пьянок. И я устал. И ребята, которые вынуждены работать двадцать четыре на семь, в том числе и за тебя, тоже устали. По нашему отделению пять свежих глухарей, если ты забыл... И старых ещё висит достаточно. Опять же, пацаны эти... Я говорил, что ещё один пропал?

– Да не забыл я, просто с Надькой позавчера встретились... в нашей школе училась. Красивая баба, на рынке работает. Ну, и понеслось... Христос Воскрес и всё такое...

– Надька с рынка? Капец ты герой! Потом будет Катька с автомойки, а дальше кто? Светка с помойки! Серый, завязывай.

– Да завяжу я, обещаю! Нет, честно! Слушай, сгоняй за пивком, а? Башка трещит... А Надюха где? Ушла, что ли? Эх, ушла Надежда, и с ней ушла надежда...

– Ну ты, философ и поэт, заканчивай каламбурить!

Минут через двадцать, выпив принесённую Вадимом бутылку холодного пива, Сергей в очередной раз поклялся ему и себе больше не пить и завтра с утра как штык быть на совещании, до синевы выбритым и трезвым.

Ночью Снежину не спалось. Ему, как ещё не совсем законченному алкашу, было стыдно. Стыдно и страшно. Стыдно перед соседями и коллегами, которые явно видели его на рынке в «тошниловке», где он начал с соточки с какими-то грузчиками, а ушёл уже изрядно подшофе и с Надькой в обнимку. Баба нормальная, красивая и, кажется, даже интересная, но... Что именно «но», он не стал додумывать. И перед ней было стыдно, потому что вырубился как пацан. И было ли у него с ней то самое или нет, не помнит. Стыдно перед родителями, которые, хоть и перебрались из города в деревню, сына не забывали и, судя по входящим вызовам, не только звонили, но и о чём-то с ним говорили целых одиннадцать минут. А страшно было от того, что пьянка так затянет в омут, что он не сможет вынырнуть.

Интересно, о чём он говорил вчера с мамой? Она наверняка расстроилась. Ей каким-то непостижимым образом всегда удавалось «унюхать» по голосу, даже если Сергей выпьет всего рюмку коньяка или стакан пива. А тут...

Наутро после бурного застолья Снежин всегда боялся брать в руки мобильник и проверять списки исходящих звонков и сообщений, хотя вечером или ночью был уверен, что сто лет не слышавший его знакомый или бывшая подруга с нетерпением ждали его звонка именно в три часа ночи и именно сегодня. В этот раз обошлось без тяжких последствий, точнее, без позорных ночных звонков. Но четырнадцать пропущенных от Вагифа – это уже пере-

бор. Стыдно перед памятью Любы и Максика. Так и не родившегося Максика. «Посмотрел бы он на своего папашу! Вот странно, человека на свете никогда не было, а имя у него есть», – думал Сергей, переключаясь с одной обрывочной мысли на другую.

Ворочаясь в мокрой от вонючего алкогольного пота постели, он вспоминал, в который уже раз за эти два года, как они с Любашей познакомились: она проходила понятой по одному уголовному делу. Вспоминал их свадьбу, его периодические несерьёзные интрижки, о которых Любаша, кажется, и не догадывалась. По крайней мере, виду не подавала. Ну вот такой он полигамище, как и все мужики. Вспоминал, как долго не получался у них ребёнок и что именно этот факт он считал поводом для своих левых походов. Но потом всё вроде изменилось. Любаша, в свои тридцать восемь уже потерявшая всякую надежду на материнское счастье, вдруг выдала ему заветные две полоски. Снежин вспоминал, как прыгали от радости, как выбирали имя сыну, когда на УЗИ сказали, что будет мальчик. С какой любовью Любаша собирала детские вещи в роддом. А ведь тёща говорила, что нельзя заранее, так нет же...

Вспомнил Сергей, как в тот вечер его вызвали на дежурство, потому что Гришка Клименко сломал руку – гнался по стройке за насильником и рухнул с крыши на кирпичи. Надо же было схваткам начаться как раз в этот день! И Любаша хороша! Нет чтобы скорую вызвать, так она брату своему позвонила. Мол, на джипе комфортней, чем на скорой.

А потом, когда он пил кофе в дежурке, позвонили и сообщили об аварии: лобовое с КамАЗом на скорости 140 км/час. В сумочке Любашини нашли обменную карту на имя Любови Снежиной. Фамилия в городе редкая, да и Сергея в ГИБДД знали, поэтому сразу же и позвонили в дежурку.

Ничего бы не случилось, но Колька, Любашин старший братец, торопился смотреть футбол и вообще, как потом рассказывала его жена Регина, ехать не хотел. Хотя какая она уже жена? Вдова. И он вдовец. Сам Колька всмятку, а Любаша... Она впереди сидела, пристёгнутая. Подушка безопасности почему-то не сработала, и удар был такой силы, что живот лопнул, и Максик вылетел через лобовое стекло на дорогу... Так он и лежал на асфальте, с оборванной пуповиной. Спасибо, гайцы прикрыли чем-то. Серёгу, пытавшегося прорваться к тельцу, не пропустили. И правильно, не выдержал бы он.

Похоронили Любашу в одном гробу с Максимом. Сына завернули в голубое одеяльце, купленное для выписки из роддома, и положили по правую руку от Любы. Странно, но в чём хоронили жену, он совсем не помнил... А через неделю после похорон умерла и тёща. Хорошим человеком была Алла Павловна, детский хирург с сорокалетним стажем, много жизней спасла. Не перенесла смерти сына, дочери и внука в один день.

Только под утро, успокоив колотящееся сердце корвалолом и выкурив полпачки сигарет, Снежин провалился в сон – тревожный, нездоровый. Ему снилась молодая женщина в белом платье с мелкими васильками. Женщина вела за собой девочку лет трёх-четырёх. Они шли по полю, по траве стелился густой, как сигаретный дым, туман. Женщина и девочка оглядывались и манили его за собой. Лиц он не видел, они как будто расплывались. Рядом с ним стояла Любаша с малышом на руках – копией маленького Сергея – и почему-то толкала его в сторону женщины с девочкой. Сергей хотел остаться с Любашей и сыном, но та его словно отгоняла от себя.

Утро особого облегчения не принесло. Кое-как подняв свои метр девяносто с постели, Сергей покурил в форточку и налил кофе покрепче. Остаточные явления после трёхдневной пьянки ещё давали о себе знать. Потряхивало, подташнивало, но в голове уже прояснилось. Раздевшись прямо на кухне, Сергей прошлёпал в ванную и минут пятнадцать успокаивал тремор под живительными струями контрастного душа. Побрился, несмотря на то что рука дважды предательски дрогнула, оставив на щеке и шее пару неглубоких порезов.

«О нет!» Снежин в чём мать родила стоял перед отодвинутой дверью шкафа-купе. Чистые трусы нашлись, носки тоже, но ни одной свежей рубашки не обнаруживалось. С детства приученный к аккуратности в одежде, Сергей, даже будучи пьяным, не позволял себе выйти из дома грязным, мятым и в нечищеной обуви. В итоге из недр шкафа он выудил чистую чёрную футболку с надписью «полиция» на спине, оставшуюся после каких-то межведомственных соревнований. Футболка оказалась мятой, однако на широкой майорской груди послушно расправила все свои складки и вместе с натянутыми джинсами смотрелась вполне презентабельно. Накинув любимую кожанку, Сергей «облился» парфюмом – Любаша приучила его к дорогим ароматам. Сунув в карман мобильник, вышел из дома. Предстояла встреча с начальством, коллегами, да и вообще, понедельник – день тяжёлый.

Городской шум, спешащие в ранний час на работу люди, дребезжание трамваев, гудки автомобилей, апрельское солнце и уже появившиеся кое-где на деревьях новорождённые листики немного приподняли Снежину настроение. Он любил этот город, в котором родился и вырос, этих людей, защиту которых выбрал своим делом, свою работу... Любил наблюдать, как зимняя серость сменяется яркими весенними красками.

Лета в этих северных широтах приходилось иногда ждать долго, и Сергей ещё в детстве, устав ждать по-настоящему тёплых дней, почему-то вообще его разлюбил. Зато весна и осень были для него самыми романтическими временами года. «Унылая пора! Очей очарованье!..» – вспоминал он с детства знакомые строки и удивлялся, с чего вдруг поэт называл яркую осень унылой порой. Красота же!

А вот весна всегда ассоциировалась у Сергея с первыми почками на деревьях и пением птиц. Бывало, специально выжидал: как только появится совсем малюсенькая почечка на берёзе за окном, а птицы начнут свои первые, ещё несмелые концерты, – с этого момента наступала личная Серёгина весна.

Вот и сейчас он любовался весной, забыв на какое-то время о похмелье, о предстоящей взбучке от начальства, о понедельнике. Обо всём. Он слышал шум города и колокольный звон на небольшой церквушке неподалёку. «Даст Бог, пронесёт!» – сказал Сергей сам себе и зашагал быстрее.

От дома до отдела полиции, где уже больше двадцати лет служил Сергей Снежин, всего полчаса спокойным шагом. На крыльце толпились сотрудники. Кто-то сдавал дежурство, кто-то заступал. Курили, травили байки, делились последними новостями. Сергея встретили как всегда – «приветами» и рукопожатиями. О трагедии в семье Снежина знали все и что-либо комментировать по поводу опухших глаз и ещё не выветрившегося амбре не считали тактичным.

В кабинете подполковника Барсаева было душно и многолюдно. На всех собравшихся сидячих мест не хватило, поэтому пара молодых оперов устроились на подоконнике. Увидев шефа, Сергей понял, что экзекуция откладывается. Хозяин кабинета был чернее тучи, и его можно было понять.

– Третий! – сокрушался Вагиф Аскарлович. – Третий мальчик пропал! Третий за три года. И это в городе с населением в пятьдесят тысяч! И так же, как два предыдущих, словно сквозь землю провалился. Нас люди скоро на части рвать начнут, а руководство сверху им поможет.

Оказалось, что накануне утром ушёл гулять и не вернулся девятилетний Илья Беленко. Сказал матери, что сначала немного погуляет, а потом пойдёт к другу «на куличики». Был одет в чёрную куртку с капюшоном, чёрные спортивные с белыми лампасами и синюю футболку с надписью «Зенит». Особые приметы: рыжие волосы и отсутствие одной фаланги на среднем пальце правой руки – год назад оторвало петардой. У Ильи при себе были часы фирмы Casio. Армейский друг подарил когда-то его отцу. На обратной стороне корпуса гравировка:

«31 ОДШБР. От Витька». Жена подарила мужу новые, а старые тот передал сыну. Браслет пацану оказался велик, поэтому он их носил в кармане.

Мама Ильи забила тревогу около семнадцати часов, когда не смогла дозвониться до сына – его телефон был вне зоны действия сети. Дозвонилась до друга и с ужасом узнала, что Илья к нему вообще в этот день не приходил. Женщина бросилась в полицию. Объяснив, что Илюша не гуляка, не хулиган, а обычный домашний ребёнок и никогда из дома не убежал, написала заявление. Поиски начали сразу, практически всем личным составом, подключились соседи, волонтёры из местного отделения «ЛизаАлерт». К восьми часам вечера по биллингу вычислили местонахождение телефона мальчика. Мобильник лежал в мусорном баке через два квартала от дома. Прочесали все подвалы, чердаки, заброшенные гаражи и подворотни. Ребёнка нигде не было.

– А камеры видеонаблюдения что показывают? – уточнил Снежин, пытаясь въехать в тему.

– А то и показывают, что пацан проходил в сторону дома друга мимо компьютерного магазина и аптеки, где установлены камеры, – ответил Барсаев. – Дальше он попал в слепую зону и уже нигде не засвечивался. Хотя и камер по пути его следования больше нет. Район-то там проблемный, даже если камеры бы и стояли, их перебили бы маргиналы. Вдруг его по пути в машину затолкали? Тогда дела плохи.

Все молчали. Сыщики прекрасно понимали: если ребёнка не нашли за дежурные сутки, то надежды увидеть его живым практически не оставалось. За последние три года в городе похожим образом пропали два мальчика: Рома Яшин и Дима Шустров, девяти и десяти лет. Единственное, что тогда удалось найти в мусорных баках по всему городу, – это мобильные телефоны ребят, вязанная бабушкой Ромы шапка и Димины ключи с брелоком в виде Человека-паука. Сами дети бесследно исчезли. Отслеживание мобильных телефонов первых двух пропавших ребят и Ильи результатов не дало – совпадений точек не было.

Родственники пропавших, казалось, надежды не теряли: обивали пороги районной и областной полиции, следственного комитета, прокуратуры. Они даже обращались к распиаренным «колдунам» и «ведьмам», но те лишь разводили руками. И только одна старушка-ведунья из карельской деревни, которую все называли Пекковна, к которой обратились родители мальчиков, печально глядя на фотографии, произнесла: «Плохо, ох, как же плохо... Я не вижу их ни среди мёртвых, ни среди живых. Но они скоро дадут о себе знать».

Как ни умоляли убитые горем родные рассказать подробнее, что она имеет в виду, но Пекковна была непреклонна. А этой зимой преставилась старушка. Унесла тайну с собой. Говорили, ей больше ста лет было.

Проведённый комплекс оперативно-разыскных мероприятий ничего не дал. Нашёлся, правда, один местный выпивоха, Лукьянов, задержанный прошлой весной за хулиганство. Когда его привезли в «обезьянник», алкаш, увидев на стенде ориентировки на двух пропавших мальчиков, начал утверждать, что неделю назад, ночью, возвращаясь домой с последней электрички, решил срезать путь через кладбище. Там он и видел этих ребят, гонявших мяч на площадке внутри кладбищенской ограды. Центральный въезд освещал единственный уличный фонарь, но он хорошо рассмотрел мальчишек. С ними якобы ещё девочка бегала, примерно пяти-шести лет, в белом платье. Со слов Лукьянова, он на пацанов прикрикнул, мол, нашли место для забавы, но те на него не обратили никакого внимания, словно не слышали и не видели.

Лукьянов удивился, что, хотя в сторожке горел свет, охранник почему-то даже не вышел прогнать малолеток. Правда, в горе-свидетеле в тот момент сидело грамм двести пятьдесят беленькой, заполированные литром пива, выпитые со свояком из ближайшего посёлка. Однако мужичок клялся-божился, что ему не померещилось.

Кладбище, конечно же, проверили, но никаких следов детей не нашли. Всё списали на пьяные галлюцинации и попытку соскочить с административного ареста на статус важного свидетеля.

Сыщики предположили, что в городе орудует маньяк. Разыскники проверили всех местных мужчин в возрасте от восемнадцати до семидесяти пяти лет, ранее отбывавших наказание по «педофильским» статьям или попадавших в поле зрения полиции по сходным мотивам. Запросили информацию в колониях о местонахождении ещё сидящих, вдруг кого выпустили по УДО, а сообщить забыли. Дали задания агентуре. Направили запросы по ближайшим регионам об аналогичных случаях исчезновения детей. Всё тщетно.

И вот теперь, похоже, очередная жертва. В том, что Илья именно жертва, никто больше не сомневался, но и вслух пока не произносил. Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье «Убийство» для проведения следственных действий. Для оперативников же начался период мозговых штурмов и поквартирных обходов.

Опрашивали всех соседей пропавшего мальчика, родителей и соседей друга, к которому он направлялся, одноклассников. Ни одного подозрительного. Активно трясли продавцов ближайших магазинов, собачников, таксистов, водителей трамваев и рейсовых автобусов, подняли на ноги осведомителей, показывали всем фото пропавшего, ориентировки разослали по всем районам и в Санкт-Петербург. И ждали...

Розыск затруднялся тем, что Илья пропал в воскресное утро. Народ отсыпался после рабочей недели и церковной службы, у дворников был выходной. Народу на улицах в это время было мало. Мальчика с ориентировки словно никто не видел. Он как в воду канул.

– Снежин, останься, – остановил Сергея Барсаев, когда личный состав, получив на руки свежие суточные сводки и ориентировки, потянулся к выходу из кабинета. Майор, который уже встал и намеревался под шумок покинуть кабинет вместе со всеми, вздохнув, опустился на стул.

– Ну, рассказывай! – Взгляд Барсаева не предвещал ничего хорошего.

– Ты о чём? – ответил майор, словно не понимая шефа.

– Серёга, ты прогулял пятницу. В выходные тебя видели в городе пьяным. Получается, пока все наши охраняли церкви, ты тупо бухал? Я, конечно, уважаю твоё горе, но прошло уже больше двух лет, и мне начинает казаться, что ты злоупотребляешь моей добротой.

– Вагиф, я всё понимаю. Но... ничего пока не могу с собой поделаться. Дай время, а?! Дома не могу один находиться, там всё о них напоминает. Я ведь с тех пор ничего не делал: ни шторы не поменял, ни вазочки с сувенирами не убирал. Не могу... Иногда просыпаюсь от того, что кажется, она зовёт меня с кухни, как раньше: «Серенький, хватит дрыхнуть, оладушки стынут!» Родители приезжали, мама предлагала ремонт сделать, я не дал. Как будто если всё останется как есть, мои вернуться.

– А ты старайся вспоминать пореже. Понимаю, что сложно, но ты взрослый сильный мужик, не ребёнок, который вдруг остался один, а именно мужик. Они не вернуться! Мёртвым – покой! Тебе – новая жизнь! Пусть другая, но новая, и к этому надо привыкать, хочешь ты или нет. Женишься ещё, и дети будут. О стариках подумай! Мало того, что внуков не дождался, так и сына единственного вот-вот потеряют. Езжай к ним на выходные! По хозяйству помоги. Я вот люблю к своим ездить. Мама у меня такие вкусные чуду с брынзой делает. Есть начнёшь, пальцы не захочешь, а парочку отгрызёшь! Да и чувствуешь себя рядом с родителями ребёнком, покапризничать можно. Поезжай, тебе полезно. Глаза вон красные, как у быка, и выхлоп жуткий.

– Наверное, ты прав, Вагиф, надо искать пути решения. Не злись, я выведу.

– Дай-то Аллах! Кстати, ты помнишь, что у Насти день рождения в пятницу? Все скидываемся. И попробуй только у меня снова напейся!

Анастасия Дмитриевна Яровая – врач-судмедэксперт, давняя знакомая и коллега Снежина. Лет двадцать назад у них завязывался роман, но оба вовремя поняли, что абсолютно не совместимы. Мягкий, романтичный и, несмотря на профессию, сентиментальный Снежин не всегда понимал жёсткую обладательницу мужского характера и повадок Настю. Она курила пачками, пила исключительно водку и умела там, где надо, ввернуть крепкое словцо. К тому же он уже познакомился с Любашей, которая первая обратила на него внимание и с радостью приняла ухаживания высоченного красавца с волнистой копной русых волос и глазами, в которых можно было утонуть. Тёща – Алла Павловна – говорила, что он очень похож на актёра Костовского в молодости. В своё время его считали секс-символом.

В отличие от Насти, которая кроме своей экспертной работы мало чем интересовалась, Любаша покорила Снежина знакомством с творчеством поэтов Серебряного века и изысканными манерами учительницы русского языка и литературы. Настя вскоре вышла замуж за врача, ставшего впоследствии светилом медицины, и родила тому сына Ярика, который в следующем году заканчивает школу.

Сейчас Настю и Сергея связывала не только работа и воспоминания юности, но и общее горе. Три года назад Настя потеряла мужа. Известный кардиохирург Михаил Яровой, который был старше супруги на девятнадцать лет, покончил с собой в их городской квартире. Его нашла сама Настя, вернувшись с дежурства. Ярик был у друзей. На столе стояла почти пустая бутылка из-под дорогого коньяка, на предплечье, зацепившись за подвёрнутый рукав рубашки, висел резиновый жгут, а рядом валялся пустой двадцатикубовый шприц без следов лекарства. Врач знал, как уйти быстро и безболезненно. Вскрытие показало лёгочную тромбоэмболию и объяснило причину поступка – вторую стадию рака желудка. Хирург, прекрасно понимая, что будет дальше, не захотел обрекать на мучения ни себя, ни близких. Настя осталась с сыном, который через год собирается ехать в Питер на учёбу. Ярослав решил продолжить династию и выучиться на судмедэксперта. Он бредил будущей профессией и к восемнадцати годам перечитал почти всю медицинскую литературу из обширной родительской библиотеки.

Вот и сблизило Настю и Сергея грядущее одиночество.

Глава 2

Анастасия с сыном жили в большой трёхкомнатной квартире на последнем этаже относительно нового девятиэтажного дома в элитном микрорайоне Сосновый Бор. Как и во многих городах, элитные районы соседствовали со старой малоэтажной застройкой.

Квартиру в своё время выделили покойному Настиному мужу, чтобы тот не сбежал по приглашению в какую-нибудь крутую питерскую или московскую клинику. Но Михаил не был человеком амбициозным и, несмотря на звания и регалии, которые ему сулили, остался лечить людей в родном городе. Попастъ на лечение к доктору Яровому считалось у местных жителей большой удачей, а сам Михаил Аркадьевич никому не отказывал, консультировал даже на дому и в нерабочее время. Поэтому неожиданное самоубийство доктора стало трагедией для всех городских сердечников.

После смерти Михаила продавать квартиру Настя не захотела. Тем более что через пару кварталов в своей двухкомнатной хрущёвке жила её пожилая мама. Вечно занятой на работе дочери так было легче навещать старушку.

Сергей встретился с Гришей и Вадимом у Настиной парадной. Подарок на общие деньги обещал купить сам Вагиф Аскарлович, но мужчины, как и положено настоящим джентльменам, явились с букетами. Снежин наскрёб оставшиеся от пьянки и сбрасывания на подарок деньги, которых хватило на приличный букет хризантем.

Дверь открыл высокий крепкий паренёк, очень похожий на саму Настю: такой же темноволосый и с такими же огромными карими глазищами, посаженными чуть-чуть ближе друг к другу, чем следовало бы. Однако ни маму, ни сына это совсем не портит, наоборот, придавало внешности какую-то особую изюминку. Вымахавший за последний год Ярослав, у которого уже пробивалась борода, выглядел более взрослым, и Настю иногда принимали за его старшую сестру. Когда тот не брился, Настя ругалась из-за того, что борода прибавляет сыну возраста, а это, соответственно, и делает старше её саму.

– Мам, встречай!

– Сын, проводи гостей в зал, я пирог вытаскиваю, – послышался из кухни озабоченный голос хозяйки.

Действительно, аромат по квартире разносился такой, что у мужиков моментально заработали слюнные железы. Рыбный пирог с радужной форелью, картошкой и луком действительно был в семье Яровых коронным блюдом.

Оказалось, что Сергей с сослуживцами прибыли последними. В зале за большим овальным столом расселись гости: Вагиф, Настин руководитель, он же начальник бюро СМЭ Юрий Алексеевич Авдеев, судмедэксперт Лиля Закаменная, племянница покойного мужа Юля с супругом Генной и пара подружек Анастасии – Рита и Катя.

Усевшись за стол, Сергей голодным взглядом осмотрел яства. Недавнее похмелье полностью прошло, и соскучившийся по нормальной пище организм требовал восстановления.

Именинница, как всегда, не поскупилась. Здесь были и традиционные оливье с «Мимозой», и салат из морепродуктов, нарезки – овощные, мясные, сырные и рыбные. Отдельно, в прозрачной салатнице под сметанным соусом, томились настоящие сибирские солёные груздочки – сопливенькие, маленькие, по размеру не больше сливы. Кто-то, видимо, привёз и угостил. За грибочками, приправленными зелёным лучком, чесночком и свежим укропом, теснились куриные крылышки в медовом соусе, миниатюрные телячьи котлетки и тарталетки с красной икрой. Пара запотевших графинов с прозрачной жидкостью и большой кувшин морса терпеливо ждали своего часа. Все это благоухало и просилось в рот.

От увиденного у Снежина закружилась голова. Осиротевший холодильник в его квартире видел всё больше магазинные пельмени, майонез, чёрствый хлеб, дешёвую колбасу да жёлтый

твёрдый сыр. А ещё в его привычное меню плотно вошла китайская лапша – из-за своей высокой скорости приготовления. А тут вдруг такое...

– Щучьих голов с чесноком не хватает... и икры заморской! – пошутил Снежин, когда хозяйка наконец поставила в центр стола блюдо с изумительно пахнущим пирогом.

Гости по очереди поздравляли именинницу. Вагиф от всех оперативников убойного отделения преподнёс Насте робот-пылесос, от которого та пришла в восторг. Ещё больше радовался Ярик.

– До сегодняшнего дня роботом-пылесосом в этой квартире был я! Теперь ты – мой раб! Семейство Яровых приветствует тебя! – с этими словами уже наевшийся Ярослав удалился в свою комнату в обнимку с коробкой.

Гости ели, пили за именинницу, шутили и смеялись, периодически выходили курить на большую, обшитую вагонкой лоджию, где Анастасия – сама себе дизайнер – установила ротанговую мебель в виде небольшого круглого столика и двух кресел. Обсудив все насущные темы, включая политику и спецоперацию, коснулись и работы.

– Я думаю, не найдём мы пока пацанов. Если только кто-то случайно наткнётся, – вдруг выдал изрядно поддатый Гриша, стоя на балконе. – И этот Илья – не последняя жертва. Не стоит сбрасывать со счетов и инопланетные существа. Их много среди нас.

Гриша славился тем, что кроме работы изучал материалы про инопланетян, летающие тарелки и внеземные цивилизации. Конечно же, к версии Гриши никто серьёзно не отнёсся, даже посмеялись, и он с обиженным лицом отвернулся от собеседников.

– Мужики, вам не приходило в голову, что их действительно похитили? Только не инопланетяне, а вполне живые существа. На органы, например? Ну, или в рабство? – спросил Гена, выходя на балкон и доставая сигарету.

– Когда ради выкупа, то похитители проявляют себя, но требований-то никто не выдвигал. На органы? Ты хоть представляешь себе, какая нужна лаборатория для их изъятия и пересадки?! – отозвался Вадим. – В рабство тоже не вариант, все мальчишки мелкие, худенькие. Какие из них работники? Да нет, маньяк это, точно говорю!

– А вдруг у них есть эта лаборатория? Ну, которые на органы, – не унимался Гена.

– Тогда бы, скорее, сироты из детдомов пропадали или дети алкашей. Кому нужен лишний шум? – Вадим скривился. Он не любил обсуждать с посторонними рабочие моменты.

– Кому дети алкашей да детдомовцы голодные нужны с их болячками? А тут ребята из хороших семей...

– Да пацаны и сами могли сбежать – к свободе и лучшей жизни. Насколько я знаю, все они не из богатых семей... – влез в разговор вышедший на балкон Ярослав, перебив Геннадия. Он отрезал кусок торта, стоявший на полке, и теперь грел уши.

– Ты-то откуда знаешь? – Вадим закипал.

– Предполагаю просто, – оправдывался Ярослав.

– А может, он прав? – Генка начинал бесить Вадима своим дилетантством в маньяческом вопросе.

– Вот ты кем работаешь?

– Обвальщиком на мясокомбинате. У нас с Настюхой чем-то схожие профессии, я режу животных, она людей, – засмеялся он.

– Значит, ты знаешь, как правильно разделать тушу свиньи или коровы? Так?

– Естественно! – ответил Геннадий, не понимая, куда клонит Вадим.

– Вот и мы знаем, как раскрывать преступления. А ты не знаешь, потому что каждому своё. Версии он выдвигает! Зачем пацанам надо было убегать? У всех благополучные родители, не алкаши, не тираны. Пэдээнчики проверяли – проблем в семьях не было. Есть такое понятие – оперская интуиция. Она мне подсказывает, что действует маньяк, – отрезал Рюмин. –

И все думают то же самое, так что оставь свою дилетантскую точку зрения при себе и не распускай слухи.

Обидевшись на «дилетанта», Гена вернулся к столу, где Настины подружки обсуждали детские болячки, – обоих дома ждали мужа с малышами, и темами их разговора были исключительно домашние проблемы. Гена налил водку в рюмку до краёв и махнул залпом, не дожидаясь, пока все усядутся.

Когда все вернулись за стол, тема пропавших детей продолжилась.

– Кстати, ваших сотрудников хвалят, Вагиф Аскарлович, – обратилась Настя к начальнику отдела. – Вчера встретила мамину соседку в магазине, та рассказывала, что сыщики очень подробно отработывали каждого жильца в их подъезде. Поквартирник стал главной темой недели в их домовом чате.

– А при чём тут подъезд твоей мамы? – не понял Барсаев.

– Там живёт Денис Нестеров, друг пропавшего Ильи Беленко. Мама его семью хорошо знает, те переехали, когда я уже замуж за Михаила вышла и сюда от неё перебралась. Мать у них – воспитательница в детском саду, папа – дальнобойщик, сам мальчишка тоже, по отзывам, неплохой.

– Да уж, не город у нас, а большая деревня. А мама твоя в то утро, случайно, никого не видела? У неё вроде первый этаж. Помнишь, мы холодильник грузили? – вмешался в разговор Гриша Клименко.

– Увы, нет! Мама уже неделю как в санатории под Сестрорецком, так что не было её на Пасху дома. Приедет только после майских. Эх, такое пропустила!

– Повезло! Природа в тех местах обалденная, особенно весной, когда сосновый бор оживает. А рыбалка там какая! Мечта, а не рыбалка! – Гриша причмокнул.

– Это да! Заводской профком не забывает своих ветеранов, каждый год путёвку дают. Правда, в одно и то же время. Только рыбалка маму мало интересует, – развела руками Настя.

– Если этого уroda и пацанов или то, что от них осталось, не найдём, грош нам цена как ментам. – Выпившего Вагифа потянуло на пафос. – Эта тварь нам вызов кидает, мол, смотрите, какие вы тупые по сравнению со мной. Убийца, а я не сомневаюсь, что все мальчишки убиты, на самом деле человек опытный.

– Пофему фы так думаете? – набив тортом полный рот, удивился Ярослав. Небольшая аккуратная бородка парня была вся перемазана кремом.

– Правда, Вагиф, с чего ты это взял? – вмешался Сергей.

– Да потому что мы его столько времени поймать не можем. И детей найти. Он в год убивает по ребёнку. Что за последовательность такая? Специально сюда приезжает для этого раз в год? Или причина в другом? Думаю, он всё ещё здесь. Не уехал, не умер, не сел в тюрьму, не попал на СВО.

– Вспомни, сколько времени Чикатило ловили! – парировал Сергей.

– Сравнил тоже! Тогда не было таких технических возможностей, как сейчас, – ответил Барсаев.

– А толку-то! Камеры уличные по пальцам пересчитать можно. Безопасный город, называется! – возмутился Гриша.

– Поймаем! – вдруг тихо произнёс Снежин и сам удивился своей уверенности. Это было на него не похоже.

Сыщики понимали, что начальник прав, но сомневались в раскрытии. Потом что не было ни у кого ни одной даже мало-мальски рабочей версии. Тупик!

– А помните, что ведьма Пекковна родителям тех мальчишек говорила? – добавила Настя. – Что они ещё дадут о себе знать. Я, между прочим, о ней много хорошего слышала. Порчу снимала на раз-два, когда человеку уже совсем худо было, и мужей загулявших в семью возвращала, и болезни разные лечила.

– И это говорит скептик Яровая! – пошутил Гриша.

Пекковну из ближнего карельского селения в Петрогорске знали многие, если не все. Снежин, например, слышал о ней от своей умершей бабушки Марии Степановны. Та ведунью знала много лет, возможно, ещё с войны.

– Боюсь, если мальчишки глубоко упрятаны, вряд ли то, что них осталось, позволит установить причину смерти. ДНК, конечно, хорошо, его и из рёберной кости получить можно, но если одни скелеты остались, вряд ли вы определите характер ранений или орудие убийства. Например, если их зарезали, – заявил Ярослав.

– Да уж, загадка, – согласился начальник бюро СМЭ, удивившись неожиданно глубоким познаниям подростка. – Слушай, Настя, а ведь неплохая смена растёт.

Польщённый похвалой профессионала Ярик расплылся в улыбке.

Тема пропажи мальчиков постепенно сошла на нет, гости вспомнили, что они всё же пришли на день рождения, а не на поминки, и перешли к песням и анекдотам. Авдеева от выпитого потянуло на философию.

– Верно говорят, что люди не помнят самых главных врачей в своей жизни – акушера и патологоанатома, – задумчиво произнёс начальник СМЭ – абсолютно не в тему.

Сергей, увидев за шкафом гитару, на которой играл покойный хозяин, попросил у Анастасии разрешения воспользоваться инструментом.

– Ах да, ты же играл раньше, – вспомнила Яровая и протянула гитару Снежину.

Перебрав несколько аккордов, Сергей грянул песню на стихи своего рязанского тёзки Есенина:

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою лёгкую походку.

Гости дружно подхватили напев и на всю квартиру загремело:

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит...

После все пели «Кукушку» Цоя, затем Высоцкого, Розенбаума и «Любэ». Застолье плавно превратилось в импровизированный концерт.

Настя украдкой смотрела на Снежина и любовалась: как он всё-таки хорош, этот русоволосый сероглазый великан! Только, кажется, он сам не замечает тех внешних качеств, которыми его наградила природа. Она уже призналась себе, что истосковалась по крепким мужским объятиям, что её вгоняет в депресняк большая, но пустая и холодная постель и что в этот раз она пригласила Снежина не просто как друга.

«Он один, я одна. Серёга хоть ещё и переживает смерть жены, но женщин не избегает, да и раньше никогда монахом не был, – думала про себя Яровая, пока Снежин своим волнующим баритоном, не оставлявшим равнодушным ни одно женское сердце, не допел последний куплет. – Может, стоит попробовать? Ярику отец нужен. Майор полиции – чем не кандидатура? Да и родить я, пожалуй, смогу, если поднапрячусь».

От раздумий её отвлек громкий нестройный хор голосов, поющих уже про поле с конём...

Разошлись далеко за полночь. Сергей сдержал данное Вагифу слово не напиваться и теперь с удовольствием шёл домой по пахнувшей весной ночной улице и насвистывал какую-то мелодию. Он был слегка подшофе, сытый и довольный проведённым вечером. Грустные мысли отступили. Однако Снежин знал – только на время.

Наутро Сергей проснулся и первое, что сделал, – мысленно объявил благодарность шефу за его приказ не напиваться. Голова была абсолютно ясная, мысли не путались, а желудок срочно призывал в него что-нибудь уронить.

За кофе с горячими бутербродами – хлеб, колбаса, сыр, микроволновка – Снежин вспоминал вчерашний вечер, разговоры за столом. Отлично посидели! Он заметил, как Анастасия на него смотрела. Этот женский взгляд ни с чем не спутаешь. Так смотрят женщины на мужчину, которого желают.

– Нет, нет и ещё раз нет! – Сергей начал убеждать сам себя вслух. – Я не готов к серьёзным отношениям. А несерьёзных с этой женщиной просто быть не может. Она не шалава с улицы. Да и нам уже не по двадцать с хвостиком, а по сорок с плюсиком.

В голове у Сергея промелькнула мысль. Какая-то совсем мимолётная и тревожная. Она точно была связана со вчерашним застольем и разговором о пропавших детях. Настя? Генка-мясник? Или Вадька на что-то обратил внимание? Впрочем, как Снежин ни силился вспомнить, ничего не получалось. По опыту он знал – не сразу, но вспомнит.

Субботу Сергей посвятил уборке. Нужно уничтожить следы пьянки, помыть полы, пропылесосить, постирать. На неделе было некогда: приходя с работы, пластом падал на кровать.

День прошёл в заботах, и к вечеру, уставший, но довольный, он с удовольствием окинул взглядом приведённую в порядок родительскую двушку, оставшуюся им с Любой после переезда стариков в деревню.

– Ну норм! – одобрительно резюмировал Снежин и, включив какой-то очередной ментовский сериал, завалился на диван. В воскресенье он, по совету Вагифа, планировал навестить родителей.

Ранним утром, выгнав из гаража свою «Весточку», как он любовно называл купленную в кредит семь лет назад «Ладу», Снежин выехал из пустынного города и понёсся по трассе, которая в этот час тоже не была загружена, хотя солнечная безветренная погода манила на природу туристов и рыбаков.

На своей машине Сергей ездил редко. По городу предпочитал передвигаться пешком, на такси или служебным транспортом, а личное авто использовал для поездок на природу, на дальние расстояния либо к родителям.

Небольшой дачный посёлок, который Снежин именовал деревней, где родители несколько лет назад купили небольшой домик, встретил гостя безмятежностью. Вот по обочине дороги пробежала стайка дворняжек, вон мужик куда-то собрался с утра пораньше на своём тракторе, пара-тройка старушек ждали открытия местного магазина, который мама на старый лад называла сельмагом, а отец – лабазом.

На молоденькой травке у забора родительского дома грелся на солнышке кот Вильям. Так его назвала мама – любительница Шекспира, но все почему-то звали его уничижительно для «древнего и неприкосновенного животного» просто Вилькой. Впрочем, кот был не против.

Сергей решил не звонить родителям, предупреждая о своём приезде. Иначе мама начнёт суесться, варить-жарить и к обеду устанет. А хотелось просто попить чаю, посидеть и поболтать.

– Откройте ворота, блудный сын явился! – крикнул Сергей, открывая калитку. Сердце защемило. Прав Вагиф, для родителей мы всегда дети, сколько бы лет нам ни было. Только они нам рады в любое время. Сколько он здесь не был? Недели три? Месяц?

Вот и сейчас мама Галина Васильевна показалась на крыльце, заулыбалась и, всплеснув руками, бросилась встречать сына. Из открытой двери дома до Сергея долетел запах жареной капусты и свежего теста.

– Как хорошо, что ты приехал, у меня как раз тесто на подходе. Встала пораньше – пирожков хочу нажарить. Мы с Ниной Михайловой, соседкой, на днях поспорили, чьи пирожки вкуснее и пышнее. Она позавчера угощала – не пирожки у неё, а резиновая подошва. А мои удачные должны получиться. И ты тут как тут! Проходи, сынок, раздевайся. Там, в шкафу, вещи твои «дачные» – переоденься.

– Привет, ма! – Сергей дождался, когда можно будет вставить слово в мамин монолог. – Ну как вы тут? Где папа?

– На рыбалку с утра ушёл с Еремеичем. Если удастся, к ужину карасиков нажарю. Да как мы? Нормально. Огород собираемся садить. В этом году много не хочу, так, чтобы закрутить немножко да с грядки на стол.

– Вот и правильно, нечего горбатиться. Скажешь потом, что надо, я с рынка привезу.

– Себя лучше почаще привози. – Голос матери стал серьёзным, и Сергей понял, что неприятного разговора не избежать. – Мы тут на днях с отцом тебе звонили.

– Да я помню, мы же разговаривали! – Сергей попытался блефовать.

– Помнит он! Ты вообще трубку не взял! Ответила какая-то поддатая девица, которая долго рассказывала, какой ты чудесный, замечательный и как она тебя любит. Но тебя не позвала, мол, спишь богатырским сном. Опять пил? – Это было скорее утверждение, а не вопрос.

«Вот это поворот, – подумал Снежин. – Надька меня расхваливала, оказывается. Чего она там наплела? Кого она любит? Вот дурёха. А я даже не помню, было у нас что или нет...»

– Ну мам, ну не переживай, в последний раз было. Я больше не буду, честно-пречестно, – захныкал Снежин, имитируя себя же в детском возрасте. Мать поддержала игру:

– Вот сейчас отец с рыбалки вернётся, такого ремня тебе даст, неделю сидеть не сможешь!

– Не надо-о-о! Я больше не бу-ду-у! – по-детски заскулил Снежин.

– Я очень на это надеюсь, сынок! – голос Галины Васильевны потеплел. – Любашу с малышом не вернёшь, а у тебя целая жизнь впереди. Что такое сорок три года для мужика? Постарайся смириться, найдёшь ещё женщину по душе. Знаешь, как старики говорят? Раз забрал их Господь к себе, значит, там они нужнее. Тебе другое предназначено. Главное, не сгуби себя выпивкой проклятой. Столько горя от водки! У Людмилы Павловны, продавщицы из сельмага, сын несколько лет назад пьяный утонул, у бабы Клавы, соседки через два дома, дочка с мужем в бане сгорели, тоже пили, а у Лепчиковых, что через улицу, внука маленького пьяный тракторист на дороге задавил.

– Ты, сын, не думай, что мы с матерью тебе морали читаем, ты здоровый мужик, сам всё понимаешь. – Оказывается, Алексей Дмитриевич давно уже стоял в сенях и слышал разговор жены и сына. – Поэтому я верю, что силы у тебя хватит с этим делом завязать. На, мать, улов принёс!

В ведёрке плескались десяток карасей размером с ладонь и пара лещей.

Наевшись пирожков, Сергей прилёг в комнате и неожиданно уснул. Разбудил его манящий запах жареной рыбы. Он с удовольствием поводил носом, вдыхая аромат. Дверь в комнату была приоткрыта. В кухне работал телевизор, были слышны голоса родителей.

«Как классно, что я здесь! Вот бы никуда не уезжать, а побыть с ними недельку», – думал Снежин. Ещё какое-то время он просто лежал на кровати, наслаждаясь умиротворённой обстановкой. Но уезжать придётся – завтра он дежурит по отделу. А потом... Самый нелюбимый теперь Сергеем день в году – родительский. На кладбище его ждали жена с сыном.

Глава 3

Снежин шёл по главной аллее городского кладбища. Суточное дежурство выдалось спокойным, поспать удалось только под утро, всего минут сорок. Около полуночи пришлось ехать на труп, появившийся в результате кухонной дуэли. Два пожилых соседа, хронические алкаши и дебоширы, как их охарактеризовал участковый Журин, что-то не поделили в процессе распития второй по счёту бутылки. В итоге один уехал в морг с ножом в сердце, второй – с ранением в живот – в местную больницу. Ранение оказалось непроникающим, но Снежин около двух часов потратил на то, чтобы допросить выжившего дуэлянта.

Под утро в парке нашли труп бомжа. Вместе со следователем приехала Настя, тоже дежурившая в эту ночь, и, осмотрев тело, обрадовала всех присутствующих сообщением, что при первичном осмотре труп не криминальный – налицо инфаркт. Когда все расходились по своим машинам, Настя подошла к Сергею.

– Через пару часов дежурство заканчиваем. Может, сходим куда-нибудь вечером? – предложила она.

– Настён, я бы с радостью. Но... Сегодня же родительский день, мне на кладбище надо.

– Мы с Яриком тоже собираемся. И Юлька с Генкой обещали быть. Ну ты же не до вечера там будешь. – Настя не оставляла надежды заполучить Снежина на этот вечер.

– А ты полагаешь, после похода на кладбище у меня останется желание провести романтический вечер? Насть, не в этот раз, – довольно резко ответил Сергей и тут же попытался сгладить ситуацию: – Ну пока, на созвоне.

С утра попасть на кладбище не получилось. Вагиф объявил о грядущей проверке из области, поэтому Снежин со своими подчинёнными разгребал текущие бумаги, отправлял запросы, отвечал на запросы, потом и вовсе зарылся в архиве – надо было найти один документ по просьбе московских коллег. Да и дождь, как назло, зарядил с самого утра. Шёл часа три-четыре, не прекращаясь.

Наконец, в третьем часу дня уставший Снежин шёл «в гости». Дождя уже не было, тучи рассеялись. В руках он держал пакет и два букета, перевязанные чёрными лентами, – тёмно-бордовые розы и красные гвоздики. Розы для Любаши и Максика, гвоздики – для Аллы Павловны. Тёщу Сергея схоронили через неделю после детей и внука. Положили рядом с ними. Там же упокоился и Колька – виновник аварии, унёсшей четыре жизни. Ему Снежин цветов не покупал.

Кладбище было старое, первые захоронения здесь появились ещё в первой половине 19-го века, кое-где сохранились массивные старинные надгробия – настоящие произведения искусства. Они соседствовали с социалистическим металлом и постсоветскими гранитом и мрамором. Изначально кладбище располагалось в десятке километров от Петрогорска, но со временем город разросся, и до ворот кладбища осталась всего пара километров по асфальтовой дороге мимо гаражей и промзоны. Когда-то, в самом начале своего существования, кладбище было обнесено забором. Сейчас от него остались лишь воспоминания старожил и разрушенная кирпичная кладка основания ограды. Со стороны главного входа функции забора выполняли металлические трубы с закреплённой на них сеткой-рабицей, остальные три стороны кладбища не имели никакого ограждения, не считая кирпичных развалин.левой торцевой частью кладбище выходило к федеральной трассе и железной дороге, правой – к лесу, болотам, далее к дачному массиву. Во время войны здесь шли ожесточённые бои, в лесу и на полянах осталось множество свидетельств тех времён – заросшие окопы и воронки, ржавое железо – колючая проволока, остатки артиллерийских орудий и танковых гусениц.

Лес за кладбищем не пользовался популярностью у петрогорцев, так как зарос настолько, что рискнувший отправиться туда запросто мог переломать руки и ноги. Более того, места эти пользовались дурной славой и за счёт небольших, но непроходимых топей. В них, по рассказам старожилов, за всю историю города сгинуло немало горожан, ставших жертвами собственной самоуверенности.

От центральных ворот кладбища до могил, к которым шёл Сергей, с полкилометра по асфальтовой дороге, затем нужно повернуть налево, потом направо и ещё немного пройти по гравийке. По обеим сторонам дороги в самом начале кладбища выстроились в ряды продавцы искусственных цветов. Снежин почему-то не любил искусственные цветы, несмотря на мамино убеждение, что живое – живым, а мёртвое – мёртвым. Поэтому покупал всегда исключительно живые.

– Ну, здравствуйте, дорогие мои! – голос Снежина дрогнул.

Три одинаковых памятника из белого мрамора, железная оградка, внутри которой установлены столик и большая скамейка со спинкой: последний приют хорошей, дружной семьи. С портретов на Снежина глядели хозяева этого маленького участка. Это Любашино фото он помнил хорошо, так как сам её фотографировал во время выезда на пикник. Улыбающаяся молодая женщина с синими глазами и длинными светло-русыми волосами смотрела на Снежина, как и тогда, три года назад, когда все ещё были счастливы, полны надежд и живы. Смотрела спокойно и безмятежно... Пожилая женщина с высокой причёской, в зелёной кофточке, чем-то похожая на Любашу... Алла Павловна любила зятя и почти всегда при возникновении спорных ситуаций вставала на его сторону. Зять платил ей тем же.

А какие пончики она стряпала! Пышные, воздушные, с вареньем внутри и сахарной пудрой сверху. Сергея однажды угораздило спросить, как внутрь этот кругляша попадает варенье. Все – и Любаша, и Колька с Региной – чуть не подавились от смеха. Одна Алла Павловна, на лице которой не дрогнул ни один мускул, принялась деловито объяснять: «Беру я, значит, варенье, обмазываю его со всех сторон тестом...» Последовал новый взрыв хохота, и теперь уже вместе с детьми покатывалась со смеху сама стряпуха. Поняв, какую глупость сморозил, Снежин сам разве что не катался по полу. «Ты ещё спроси, как у меня в центре лепёшки дырка появляется!» – утирая от смеха слёзы, предложила тёща.

С юмором у старушки всё было нормально. Впрочем, старушкой в традиционном понимании Аллу Павловну трудно было назвать. На голове всегда причёска, маникюр, ювелирка в ушах, на пальцах и шее, стильная одежда и обувь на небольшом каблучке. Да и разве это возраст, шестьдесят семь лет? Сердце только изношенное оказалось, видимо, и раньше проблемы были – переживала врач за своих пациентов.

«Кто-то здесь уже был, – понял Сергей. – Скорее всего, Регина, жена Николая». На каждой могиле лежало по пасхальному яичку, кусочку кулича и букетику искусственных васильков. Он достал из кармана носовой платок, смочил его в чистой дождевой воде, скопившейся в выемке надгробия, и протёр от грязи и брызг портреты и памятники.

Положив Любаше и тёще цветы, Снежин достал из пакета маленькую шоколадку и плюшевого зайчонка – это сыну. Вынул и поставил на столик литровую бутылку водки и одноразовые стаканчики – взял с запасом, вдруг кто-то из знакомых подойдёт. На закуску было несколько бутербродов с копчёной колбасой, не съеденных на дежурстве, пара крашенных яиц, оставленных коллегами в служебном холодильнике, и пакет «доброе» сока для толкача.

Сергей налил по треть стакана водки – себе, Любе и Алле Павловне. Свою выпил не закусывая.

– Хрен с тобой, и тебе налью! – Он налил стакан и поставил у подножия памятника Николая, который при жизни тоже не был трезвенником. Всё-таки не отказал он Любаше, повёз в роддом. Он, в общем-то, неплохим мужиком был, хозяйственным. Жаль, детей у них с Региной не родилось. Ну ничего, молодая ещё, может, и сложится жизнь.

Сев на лавочку, Сергей огляделся. Вокруг всё ещё было много народа. Те, кто не успел с утра, пришли ближе к вечеру. Кто-то наводил порядок на могилах – убирал старые цветы, рвал сухую траву. Нашлись и такие, кто целыми компаниями сидели за накрытыми столами, поминали, ели и уже разговаривали громче, чем позволяли приличия. Смотрелось безобразно. «Тоже мне, кабак нашли», – подумал Сергей и хмыкнул, глядя на свою нехитрую поминальную трапезу. Мимо прошла молодая цыганка с цыганятами. В руках – большой непрозрачный пакет. Явно угощения, собранные с могил. И это, скорее всего, ещё не последние. Сергей увидел, как цыганёнок взял вафли и конфеты с чужого надгробия, оставленные только что побывавшими здесь родственниками.

«Шугануть, что ли?» – подумал Снежин, но связываться не хотелось. Он глядел на портрет Любаши, вспоминал прошлое и представлял себе будущее, которое уже никогда не станет «их будущим». Представлял, как они не спят по ночам, пока малыш маленький, как делает первые шаги, как они забирают сына из детского сада, как ведут Максика в первый класс, а обе бабушки и дедушка ждут их дома, накрыв праздничный стол. Как капризничает Макс, не желая делать уроки. Как в деревне у родителей он ходит с сыном на рыбалку, как учит его драться. «Он обязательно бы стал хорошим человеком, настоящим мужиком, может, даже пошёл бы по моим стопам», – думал Сергей. А Любаша... Она бы ругалась, что Сергей учит сына всяким опасным приёмам, что тащит его на рыбалку в холодную погоду, покупает чипсы... Но это проклятое «бы» всё перечёркивало. Сергей часто себе представлял, как маленький человек впервые произнесёт слово «папа» и этот день будет одним из самым счастливых. Папа... Но проклятое «бы» опять всё перечёркивало.

Народу становилось меньше. Никто так и не подошёл к его могилам, видимо, все, кто мог, побывали здесь ещё в первой половине дня.

Сергей пил водку, закусывал и курил. Когда скромная закуска закончилась, просто пил и курил. Темнело. Выпив очередные полстакана, он тихонько запел любимую песню Любаши – круговскую «Тебе, моя последняя любовь». Под неё они часто танцевали, когда Люба устраивала ужин при свечах, а иногда, когда Сергей брал гитару, они пели дуэтом на две – мужскую и женскую – партии.

Снежин закрыл глаза.

«Интересно, она меня видит?» – вдруг подумал уже изрядно выпивший Сергей и произнёс вслух:

– Люба, если ты здесь, видишь и слышишь меня, дай какой-нибудь знак!

В ответ лишь кроны деревьев зашелестели на ветру... Знак?

«Э, парень, да ты надрался...» – сказал Снежин сам себе. Глаза щипало. Сначала одна предательская слезинка потекла по щеке, за ней другая. И он заговорил.

Он рассказывал жене, как ему тяжело, как он по ней скучает, как не хочет возвращаться после работы в пустую квартиру, как не может спокойно проходить мимо детских площадок, где гуляют мамы с малышами, и тем более смотреть на счастливых пап, несущих на плечах своих дочек и сыночков; о том, как беспробудно пил, и даже о том, как, пытаясь забыться, искал утешение в объятиях других женщин.

Слёзы уже градом катились по его лицу, а он всё продолжал:

– Ты знаешь, я даже шторы до сих пор не снял, которые ты вешала. Мама хотела, а я не дал. И ремонт не дал делать.

Уже почти стемнело. Снежин вдруг спохватился, достал из пакета и зажёл красную баночку-лампадку. Устав, положил голову на руки.

Он проснулся от какого-то толчка. Точнее, не проснулся, а ощутил себя. Правда, ощущение было не из приятных. Мутило, голова раскалывалась, трясло от холода, поясница ныла.

К тому же Сергей никак не мог понять, где он. Вроде на улице – слабый, но ощутимо холодный ветерок обдувал его со всех сторон.

– На балконе, что ли, вырубился? – вслух спросил Сергей, и собственный голос показался ему чужим, осипшим. Он лежал на чём-то твёрдом и ужасно неудобном, без подушки. Попытка разлепить веки к успеху не привела – ничего, кроме кромешной тьмы, он не увидел. Лишь перевернувшись с бока на спину, он разглядел мутную луну и звёздное небо с редкими облаками. Где-то вдалеке, на трассе, слышался шум проезжающих машин, гудок поезда.

– Твою ж мать!

Память начала понемногу возвращаться, он вспомнил вчерашний день, но, как ребёнок, гнал от себя пугающую мысль: он напился и уснул прямо на кладбище.

Снежин попытался сесть, но не смог: мышцы затекли, каждое движение сопровождалось дикой болью. Кое-как приняв сидячее положение, он разглядел при свете луны столик. На нём догорала лампадка, лежала пачка сигарет (хорошо хоть две осталось), зажигалка и пустая водочная бутылка. Вспомнив, что где-то был сок, он нащупал под столиком коробку и жадно допил остатки. Хватило на пару-тройку глотков, но и этой живительной влаге Сергей в тот момент был рад.

Оглянувшись по сторонам, Снежин дал себе волю испугаться. Во-первых, он не видел дороги: облака неожиданно закрыли собой луну, и как выбираться из этого могильного царства, было совершенно непонятно. Извлёк из кармана куртки мобильник: 01:12. Зарядки осталось всего три процента. Зато в телефоне был фонарик. Надолго ли его хватит?

Серёга вспомнил, что на дежурстве так и не зарядил мобильник, надеясь, что до конца дня ему достаточно, а ночевать на кладбище он не планировал. В затуманенной алкоголем голове всплывали самые жуткие эпизоды увиденных в детстве фильмов ужасов и прочитанных книг Стивена Кинга. Будучи хоть и пьяным, но всё-таки взрослым серьёзным мужиком, сыщик не верил в сказки про призраков и оживших мертвецов, свято полагая, что бояться нужно живых, а не мёртвых. Но, оказывается, так можно мыслить дома, на диване, в компании или на шумной улице. Здесь же, на ночном кладбище, возникали совсем иные ощущения.

– Надо как-то выбираться отсюда, – произнёс полицейский и, посветив фонариком издыхающего телефона, оглядел столик и скамейку. Вроде ничего не забыл. Луч света скользнул по портрету Любаши. На мгновение Снежину показалось, что она улыбнулась. Тряхнув головой и произнеся: «Ну, пока, мои родные, спите спокойно!», Сергей вышел из могильной оградки.

– Они тебя не слышат. Они далеко, – раздался совсем рядом звонкий детский голосок.

От неожиданности Сергей выронил телефон с фонариком. Нагнувшись, он принялся быстро шарить руками по земле, пока не нащупал гаджет. Снежин направил луч света в сторону голоса и почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились. Это не было образным выражением – там никого не оказалось.

Света телефона хватило только на то, чтобы выбраться с гравийной дорожки на асфальтовую. Пару раз моргнув, телефон окончательно погас. Сергей, смутно представляя себе путь, зашагал в сторону, как он думал, выхода. Он шёл в полной темноте и тишине. Лишь звук его шагов раздавался в кромешной мгле. Вдруг рядом кто-то захихикал. Как будто ребёнок. «Это всего лишь скрип открывшихся от ветра калиток могильных оградок, а мёртвые спят вечным сном в своих могилах», – Сергей продолжал самоуспокоительный аутотренинг.

Ему казалось, что он идёт в правильном направлении, но минут через десять Снежин вдруг с ужасом обнаружил, что под ногами не асфальт центральной дороги, которая вела к выходу с кладбища, а вновь гравийка. Он в сердцах выругался и тут же вновь услышал хихиканье.

– Кто здесь? – негромко спросил он.

– Я здесь! – ответил тот же детский голос.

От этих слов Серёга рванул с места, как спринтер, тут же растянувшись на земле, задев чей-то торчавший из оградки веночек. Осторожно встал, огляделся и понял, что окончательно заблудился.

И тут он увидел её. На тропинке между двумя чёрными мраморными памятниками стояла девочка в белом платье и с белым, обшитым ажурной тканью ободком на голове. От неё исходило едва заметное голубоватое свечение. Она разглядывала мужчину с интересом, он её – с плохо скрываемым ужасом.

– Хочешь конфетку? – Секунда, и девочка уже стояла прямо перед ним, протягивая ладошку, на которой лежала чуть помятая шоколадная конфета «Мишка на севере». Мужчина автоматически протянул руку, взял угощение и сунул в карман джинсов. Наблюдая за руками взрослого человека, девочка опять захихикала.

Классика страшилок! Снежин вдруг вспомнил анекдот из разряда «чёрный юмор»: «Кладбище ночью – единственное место на земле, где огромного мужика с битой испугаешься меньше, чем одинокую маленькую девочку в белом платье». В этот момент луна медленно выплыла из-за тучи.

Девчушка смотрела на Сергея чёрными глазами, которые на бледном лице казались пустыми глазницами, и улыбалась. Почему-то чёрные волосы и само платье на ней были мокрыми. Но девочку это, казалось, особо не заботило.

– Т-ты к-кто? Где выход? – произнёс Снежин. Услышав свой испуганный голос, он затряс головой, силясь прогнать наваждение. Не помогло. Девочка никуда не делась. Она продолжала глазеть на Сергея, потом перевела взгляд на карман, где скрылась конфета, и спросила:

– Дядь, а ты правда меня видишь?

– Ви... жу... жу... да, – промычал майор полиции, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

– И слышишь?! – изумилась она.

– Слышу.

– Классно! Ну иди тогда за мной! – радостноскомандовала девочка. – Да ты не бойся, я Лусине, мне шесть лет. Было. Я тут давно живу. Мы живём... – скороговоркой произнесла девчушка и, схватив Сергея за руку, потянула за собой. Рука ребёнка была холодной, мокрой и какой-то слишком уж мягкой, напоминающей не человеческую плоть, а очень густую субстанцию, при прикосновении которой Сергей почувствовал лёгкое покалывание. Спина моментально вспотела.

– Кто «мы»? Зачем нужен? Где твои родители?

– Мама с папой, наверное, дома. Где им ещё быть? А нужен ты нам. Дядя Миша говорил, что нам нужен живой человек. Не знаю зачем. Ты же живой? – чуть остановившись и оглянувшись на топающего позади Снежина, наивно уточнила маленькая провожатая.

– Уже не уверен, – пробормотал Сергей, раздумывая, как поступить. Остатки выпитого улетучились, появилось лёгкое похмелье и тяжёлые вопросы. Он решил пошутить: – Вы меня съесте, что ли, собираетесь?

– Вроде взрослый дядька, а глупости говоришь. Мы же не вампиры, зомби или людоеды, – оглядываясь по сторонам, вещала малышка с абсолютно серьёзным лицом.

Снежину хотелось бежать. Не важно в какую сторону, лишь бы подальше от странной девочки. Встреть он сейчас обычного бомжа, радости не было бы предела. Но кругом одни могилы да деревья. И странный ребёнок. А вдруг девчушка действительно приведёт его к людям? Может, кому-то действительно нужна помощь? Ей самой, например. Дикая мысль сменялась реалистичными. Если она привидение и ведёт добычу в засаду? Мертвецы съедят его или утащат под землю, и никто никогда не найдёт тело. А вдруг ребёнок просто упал в лужу? Какой идиот отпустил её сюда одну? Жаль табельного нет – сдал после дежурства, с ним бы

всяко спокойней было. Хотя если там и правда ходячие мертвецы, то какой толк от его ПМ? Серебряных пуль всё равно не выдают.

В голове Снежина бешеным калейдоскопом крутились вопросы, на которые пока не было ни одного ответа, а сам он шёл следом за Лусине, ориентируясь на белое пятно её платица, то и дело запинаясь за коряги и ёжась от ветра. Как ей не холодно?

Девочка быстро шла впереди, но Сергей не слышал её шагов, хотя его собственные глухо отдавались в ночной тишине. И как она здесь ориентируется? Несколько десятков метров шли по узкой тропинке. Вдруг впереди, за чёрными деревьями, мелькнул слабый тёплый свет. Потом ещё раз и ещё. Откуда-то послышались гитарные аккорды. «Ну наконец-то!» Снежин, резко перестав трястись, смог рассмотреть что-то, кроме чёрных деревьев на тёмно-сером фоне, среди которых, если поднять голову, местами можно было увидеть ясное небо и звёзды. К его великой радости, могилы закончились, значит, они вышли с кладбища. Уф-ф! Можно расслабиться.

Лусине вывела Сергея к небольшой поляне посреди смешанного леса. В центре стоял большой дощатый стол с горящими лампадками и разной снедью. Одного взгляда Снежину хватило, чтобы понять, что снедь собрана с могил: конфеты, пасхальные яйца и куличи, вафли, пирожки, блины, какая-то сдоба.

Здесь же разномастные пластиковые стаканчики, наполненные красной и прозрачной жидкостью, похожие на водку и вино. Всё это было оставлено родственниками усопших для помина их душ, и теперь оказалось здесь. Поштучно сигареты и початые бутылки с алкоголем, стаканы с киселём и морсом, кутя на одноразовых тарелках. Сергей даже разглядел едва початую бутылку вискаря.

Недавние страхи теперь казались майору настолько идиотскими, что он мысленно ругал сам себя: «Взрослый мужик, офицер, полицейский, бандитов ловишь, а тут чуть в штаны не наложил при виде ребёнка».

Глава 4

На поляне, вокруг стола, кто на пеньках, кто на старых ящиках и вёдрах, сидело несколько мужчин и женщин разных возрастов. Майор, только что почувствовавший облегчение, не сразу обратил внимание на ряд странностей, присущих встреченной им компании. Они все излучали тот же лёгкий голубоватый свет, как и Лусине.

Лусине подбежала к столу и со словами: «Я нашла его!» – схватила венскую вафлю, отхлебнула что-то из одноразового стакана и отошла в сторону.

Обитатели поляны во все глаза смотрели на Снежина, он – на них. Смотрели с удивлением и любопытством. Ему вдруг вспомнилась сцена из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», когда Шарاپов попадает в банду и видит всю шайку, сидящую за столом во главе с Горбатым.

Обитатели поляны были одеты в костюмы разных эпох. Съёмочная группа, что ли?

Во главе стола восседал невысокий коренастый брюнет средних лет в милицейской форме советского образца с капитанскими погонами. Полный пожилой мужчина рядом с ним, в костюме и галстуке, выглядел так, словно сошёл с доски почёта передового коллектива. Он периодически поднимал к глазам руку и смотрел на часы.

Высокая сухощавая пожилая женщина интеллигентного вида, в строгом тёмном платье, с высокой причёской из длинных седых волос чем-то напоминала дам с портретов первой половины прошлого века. Здесь же сидел высокий худой старик лет восьмидесяти в добротном коричневом пиджачке. На левой груди – два ряда орденовских планок.

Наиболее непривычно смотрелся молодой статный офицер лет тридцати в парадном мундире. Снежин слабо разбирался в знаках различия и старинной форме, но мысленно отметил, что тот похож на белогвардейца из фильмов про Гражданскую войну. Три звёздочки, один просвет в погоне... Поручик или подпоручик? Ух ты, Георгий на груди. Причём не солдатский, серебряный, а офицерский – с крестиком, покрытым белой эмалью.

Рядом с офицером пристроилась на пеньке юная особа лет восемнадцати в подвенечном платье, как на старинных картинах. При свете костра её волосы светились огненным светом, что позволило Снежину сообразить – волосы невесты ярко-рыжие.

Следующей оказалась очень красивая молодая женщина примерно его возраста или чуть моложе, в современном белом костюме – свободных брюках и жакете и в белых туфлях на высоком каблуке. Тёмные густые волосы рассыпались по плечам, зелёные глаза в лунном свете казались светящимися, а полные чувственные губы застыли в едва уловимой улыбке. Красавица смотрела на Снежина тем же удивлённым взглядом, что и все остальные. Лусине протиснулась между сидящими за столом взрослыми и уселась рядом с ней. Та приобняла девочку за плечи, как бы стараясь согреть.

Снежин продолжал разглядывать странную компанию.

Чуть поодаль от стола, на молодой травке возле небольшого костра разместилась не менее живописная троица. Двое молоденьких бойцов в гимнастёрках времён Великой Отечественной войны и один парень в современной парадной форме ВДВ с голубым беретом на светлой курчавой голове. На парадном кителе – массивный серебряный крест Ордена Мужества. В руках у десантника устроилась простенькая гитара, а под растущей здесь же кривой сосной сложены пара бушлатов с маскхалатами, две каски и два автомата ППШ.

Бойцы, расположившиеся у костра, глядя на Сергея, о чём-то тихо перешёптывались. Остальные разглядывали незнакомца молча.

Первым нарушил тишину и встал навстречу Снежину милицейский капитан:

– Ну, здравствуй, добрый человек!

– Здравия желаю! – ответил полицейский, оглядываясь. – Вы кто?
– Смотрите-ка, он и вправду нас видит и слышит, – удивлённо и обрадованно произнёс милиционер, обращаясь к сидящим на поляне.

– Вы кто? – повторил Снежин. – Съёмочная группа какая-то? Артисты?
– Да нет, мил человек, мы не кино снимаем. Увы, мы здесь живём. Или, если выразиться более точно, обитаем. Понимаешь?

– Нет, – протянул майор. – Бомжи, что ли?
– Бом... Кто? – милиционер удивился всем известному слову.
– Бомж, дядя Миша, это человек без определённого места жительства, бездомный то есть, – вмешался в разговор десантник. Он подошёл к Сергею с капитаном и обратился к гостю:
– Не переживай, братишка, мы сейчас тебе всё объясним. Но сначала сядь, а то рухнешь, очухивай тебя потом.

И усмехнулся.

– Олег! – укоризненно обратилась к нему пожилая седовласая дама. – Вспугнёте же!
Сергей уселся на придвинутое ему десантником старое цинковое ведро, достал и закурил предпоследнюю сигарету. Все с интересом наблюдали за ним.

– Короче, брат, всё просто – мы призраки. Лежим на этом кладбище. Кто-то улёгся сюда раньше, кто-то позже. Ну или привидения, называй как хочешь. Только много вопросов не задавай, потому что мы и сами тебе толком ничего объяснить не сможем. Всё, теперь ты знаешь главное, сиди и переваривай информацию. Понимаю, ты в шоке, но факт есть факт.

– Что за х...?!

Снежин чуть не свалился с ведра на землю.

«Я точно сплю, это сон! Сейчас докажу!» – подумал Сергей и прикоснулся к коже запястья сигаретным огоньком.

– Ой, ё! – вскрикнул он, зажмурившись от боли, но когда открыл глаза, поляна с компанией никуда не исчезла, наоборот – стало лучше видно, так как луна вышла из-за облаков.

Глядя на десантника, Снежин заметил, что и от него исходило слабое голубоватое свечение. Украдкой глянув на остальных обитателей поляны, он вновь заметил эту странность в каждом из них. Нет, это явно не игра света и не оптический обман.

– Членовредительством-то не занимайся! – обратился капитан к Сергею, а затем к десантнику: – А ты как-нибудь тактичнее мог сказать? Всё же вы ближе друг другу по эпохе, значит, он тебя должен лучше понять. Не видишь, человек в недоумении?

– Он не в недоумении, дядь Миш, он в ахере! – ответил «голубой берет» и представился:

– Я гвардии старший сержант Олег Зацепин, погиб в 1999-м под Ушкалоем, во время зачистки аула с чех... с чеченскими боевиками. Похоронен на этом кладбище. Мы все здесь лежим – и ни туда, ни сюда. Помнишь, как в песне «Лимонадного Джо»: «Туда нельзя! Сюда нельзя! Ай-яй-яй». Как мы поняли, этот свет не отпускает нас по каким-то причинам. Фильмы про зомби видел?

Сергей смог только кивнуть.

– Так вот, это не про нас. Мы не причиним тебе зла. Да и вообще, живым вреда не приносим, пугаем только, если хулиганье всякое беспределит. То цветник сломают, то венки пнут или звезду погнут. Козлы! А так мы с пацанами больше по гитаре, – кивнул Олег в сторону бойцов в гимнастёрках.

– Почему бойцы в советской форме? Они когда... того?

– Гришань, komm zu mir! – крикнул Олег по-немецки одному из бойцов. Парень встал, закинул за плечо автомат и подбежал к Олегу.

– Расскажи нашему гостю про ваш дуэт.

– Сам ты дуэт!

– Ну, братишка, не в обиду...

– А что рассказывать? Мы с Пахой из разведвзвода. Я старший лейтенант Красной армии, Пашка – сержант. В январе 1943-го попали здесь в окружение, отход наших прикрывали. Группа прорвалась, мы тоже потом хотели за ними, а тут нас накрыло. Вон в той стороне, где дерево большое, я лежу, а Пашка метрах в пятнадцати от меня, в овражке, где кусты. Его туда отбросило. Хотя это на самом деле не овражек, а воронка. Меня сразу разнесло, а Пашка ещё корчился минут двадцать.

Боец замолчал.

– Вера с Олегом рассказывали, что сейчас какие-то поисковые отряды появились, таких, как мы, невезунчиков находят, – продолжил старлей. – Нас бы нашли, а? А то лежим тут – ни гробка, ни бугорка. Может, кто из домашних нас ещё ждёт.

– Это если живы ещё! Родителей-то ваших точно уже нет, – перебил его Олег. – Вашим мамкам бы уже лет по сто двадцать было. Даже в наше время столько не жили.

– Ну и что?! – возмутился старлей Гриша. – У меня малой должен был родиться в 43-м. Или малая. А меня как раз в январе бахнуло. Вдруг ищет меня всё это время. Не могли они меня забыть!

– А у меня сёстры, старшая и младшая, и два племянша остались, – вмешался в разговор подошедший Павел. – И меня точно не могли забыть! Я из-под Минска, а Олег говорит, что Минск уже не СССР. Как их теперь найдёшь?!

Снежин сидел и слушал, обхватив голову руками. Ну не бывает такого!

– Тебя нам, видимо, послали свыше, потому что из всех живых, кого мы встречали, только ты нас видишь, а главное – слышишь. Ты уж помоги нам, браток, уйти отсюда туда, куда все нормальные покойники уходят, – объяснил милицейский капитан.

– Почему именно я? – не понимал Сергей.

– Ну, это уже не к нам вопрос, – развёл руками десантник.

– Вас действительно никто не видит? – Снежин всё ещё не доверял собственным глазам и ушам. Тем более его дико мучила жажда.

– Ну почти. Пьяные иногда видят. Бывает, что и примерещимся кому. Я же говорю, у Лусинки это лучше всех получается. Появится перед хулиганьём, руками машет, типа зовёт за собой. Забавно так. Не одна пара штанов отсюда мокрыми убежала, – засмеялся Олег, а за ним и все остальные. – Что с неё возьмёшь? Ребёнок, скучно. Мальчишки с окраины редко прибегают, да и постарше они.

В мозгу Сергея промелькнула какая-то мысль, но в этот момент Лусине выбралась из-за стола и подошла к новому знакомому.

– Дядя, а ты можешь передать моей маме, чтобы она не приходила ко мне в гости каждый день? – доверчиво глядя в глаза Снежину, произнесла девочка. – А то она приходит, всё время плачет и просится ко мне. А мне плохо из-за того, что ей плохо. А папа на неё ругается, и бабушка тоже. А она всё ходит и ходит! – девчужка топнула ножкой. – Я постоянно мокрая от её слёз. Вера, – Лусине указала пальчиком на красавицу в белом костюме, сидящую за столом, – хотела мне причёску красивую сделать, взрослую, а волосы же мокрые всегда. Как тут сделаешь? Попросишь, а? А я тебе своего Копатыча за это подарю, – она протянула маленькую апельсинового цвета игрушку.

Глаза девочки вдруг заблестели и налились слезами.

– Дочка, ты погоди, дай дяде в себя прийти! А потом он обязательно тебе поможет, – опять вмешался капитан и с надеждой в голосе обратился к Снежину: – Поможешь ведь?

– Оставь Копатыча себе, я попробую, – неожиданно для себя пообещал Сергей, в нём проснулся опер. – Как твоя фамилия? Давно ты здесь?

– Абекян Лусине, не знаю, сколько я здесь. Знаю только, что маму зовут Седа, а папу Арсен. Мне шесть лет. Было. Кажется.

– Хорошо, я попробую найти маму и передать твою просьбу, – ещё раз пообещал Сергей. В принципе, для него это было несложно – база данных жителей города в его распоряжении. Сложнее будет объяснить убитой горем женщине, почему незнакомый мужик просит её не ходить к дочке на могилу.

Снежину нестерпимо хотелось пить.

– Ты сам-то кем будешь, гость наш долгожданный? – спросил милицейский капитан.

– Меня Сергей зовут, живу в Петрогорске, майор полиции. Сюда при...

– Что?! Какой полиции? – подал голос высокий старик.

– Так ещё в 2011-м милицию в полицию переименовали, когда реформа МВД была, – ответил Сергей ошарашенному фронтовику.

– Я ж вам рассказывала про полицию! Забыли, Тарас Петрович? Вы ещё с товарищем капитаном не верили долго, – красавица Вера быстро поднялась из-за стола и обращалась к фронтовику. – И про перестройку, и про развал СССР. Можно сказать, ввела вас в курс новейшей истории...

Вера тут же оказалась рядом со Снежиным и быстро зашептала:

– Прошу вас, только не говорите нашему Тарасу Петровичу про последние события. Ну, вы понимаете, о чём я. Расстроится сильно старик. Он новейшую-то историю кое-как перенёс. Матерился так, чуть всё кладбище не перебудил. Мы все всё знаем, но ему не говорим.

Сергей не ответил. Он смотрел на Веру и, насколько это было возможно в данной ситуации, любовался её красотой.

– А откуда они про всё знают? – спросил Сергей, чтобы хоть что-то спросить и кивнул в сторону остальных обитателей поляны.

– Газету кто-то из посетителей кладбища выбросил, а они нашли и прочитали. Правда, информации было мало, но суть происходящего поняли.

Вера внимательно смотрела на Сергея. Тот пытался сухим языком облизнуть пересохшие губы.

– Идите к столу, вижу же – пить хотите.

– Спасибо, очень хочу! – ответил Снежин.

– Заодно и помяни нас всех, а то как-то не по-людски, родительский день всё-таки, – подал голос доселе молчавший полный мужчина со значком «КПСС» и налил Сергею водки. – Я Николай Иванович Лукин, архитектор, строитель, бывший второй секретарь райкома партии. Здесь с 1991 года нахожусь.

– Не перенёс наш ярый коммунист развала Союза! – объяснил за Лукина Олег. – Инфаркт его убил.

Сергей подошёл к столу, взял налитый Лукиным до половины пластиковый стакан, оглядел всех и залпом выпил. Вера тут же придвинула к нему початую поллитровку минералки, которую Снежин осушил одним глотком. Организм моментально начал оживать.

– А вы сами что же? Тоже можете пить и есть? – спросил он Веру.

– Есть не едим в обычном понимании, но запах чувствуем и вкус ощущаем. И дым сигаретный. Эх, я бы сейчас затянулась! – мечтательно протянула Вера.

– Что же вам мешает? – в Снежине даже в такой ситуации не дремал галантный кавалер.

– Цвет лица не хочет портить! – хохотнул Олег.

– Ну ты, умник, поговори ещё! – смеясь, ответила ему красавица.

Сергей взял со стола неполную пачку, достал сигарету, прикурил. Вера жадно вдохнула голубой дымок.

– А со мной не выпьете? – Снежин не заметил, как к нему приблизился белогвардеец. Он произнёс:

– Разрешите представиться, поручик лейб-гвардии Кирасирского полка Ея Величества Данович Игорь Владиславович. Здесь нахожусь с 25 августа 1918 года. – Поручик со Снежиным подняли стаканы и залпом выпили.

– Благодарю вас! – произнёс поручик.

– Так что же вы здесь делаете в столь поздний час, сударь? – Он не заметил, как рядом с ними оказалась пожилая дама. – Прошу прощения, забыла представиться: Елизавета Павловна Апраксина-Мартинсон. Вынужденно пребываю здесь с марта 1949 года. Мы с Игорем и Анной – девушкой в свадебном наряде – здесь самые «долгожители». Были ли таковые ранее, не могу знать, ибо не встречала.

– Я, э... заблудился. Выход найти не смог.

– Наверное, я скажу банальность, молодой человек, но выхода нет только из могилы. Хотя мы, все здесь присутствующие, и являемся доказательством обратного. И мы рады приветствовать вас!

– Это наша графиня, кажется настоящая, – шепнула красавица на ухо Сергею.

– А вы... Вас, кажется, Верой зовут? Вы сами здесь... давно? – немного смущаясь, спросил Снежин.

– Три года было в апреле. Роды неудачные, – начала говорить женщина, но её перебил подошедший капитан.

– Разрешите представиться, товарищ майор: капитан милиции Штефер Михаил Яковлевич, начальник уголовного розыска Петрогорска, – отрапортовал капитан командным голосом. – Здесь нахожусь с апреля 1969 года. Получил смертельное ранение при задержании особо опасного преступника.

И добавил:

– Награждён орденом Красной Звезды, посмертно. Почитай, почти пятьдесят шесть лет уже здесь. Можно сказать, тоже абориген.

– Вы Штефер?! – удивился Сергей. – Ого! А я заместитель начальника в районном отделе уголовного розыска. Занимаюсь раскрытием особо тяжких. Коллеги, значит. Я про вас и то задержание много раз слышал и читал в нашей городской газете. В прошлом году по случаю Дня полиции выступал генерал Валюшин, так он про ваш подвиг тоже вспоминал... Коллеги вас не забывают.

– Валюшин? Стёпка? Надо же, живой! Да ещё генерал!

– Старенький уже, за семьдесят...

– Ты смотри! А у меня младшим опером был. Пришёл с завода по путёвке райкома комсомола. Дуб дубом, ежели между нами. Я его так и называл: «Дуб ты наш стоеросовый». Он злился. Ну, увидишь, привет передавай.

– Как вы это себе представляете? – улыбнулся Снежин.

– Ой, ну да! Тогда подшутить при нём при случае: «Валюшин с Валюхой валялись под мухой, Валюха Валюшину съела пол-уха». Это я скороговорку когда-то придумал, а Стёпка обижался. Валюха – это Валентина, у нас с несовершеннолетними работала, в детской комнате милиции. Ну, вот роман у них и завязался. Стёпка-то парень видный был, хоть и дубоват. Но девчонкам пыль в глаза пустить умел.

Капитан посмотрел на Снежина и, оценив его физическое и психическое состояние, произнёс:

– Ты, майор, это, шёл бы домой, отдохнул, обмозговал. Пооди, не каждый день с призраками общаешься. А мы тебя ждать будем. Если сможешь нам чем помочь, будем очень благодарны. Глядишь, и мы чем поможем. Иди, майор, иди...

– Я обязательно приду! – зачем-то опять пообещал Снежин, а про себя подумал: «Всего этого не может быть, потому что не может быть никогда, поэтому обещание моё ровно ничего не значит».

Как будто услышав его мысли, капитан Штефер вызвался проводить Снежина до выхода с кладбища.

– Ты так толком и не ответил, что ты делал ночью на кладбище. Ничего, что я на «ты»? – спросил милиционер, когда они вышли на асфальтовую дорогу.

– Конечно, Михаил Яковлевич, сочту за честь. Жена у меня здесь, сын и тёща.

Он вкратце рассказал капитану историю их гибели и своей ночёвки на кладбище.

– Ну, этим нас не удивишь – русский человек всегда лечил водкой душевные раны... А твои счастливые! – задумчиво произнёс Штефер.

– Счастливые?! Вы серьёзно?! – воскликнул Сергей.

– Были бы несчастные, были бы среди нас. А они там, – Штефер поднял вверх указательный палец. – Значит, обрели покой.

– Они жить должны были! – почти крикнул Снежин.

– Тсс! Не нарушай покой, – осадил его милиционер. – Не нам судить, кто что кому должен. Для этого высшие силы есть, им виднее, чья душа где нужнее. Тьфу ты, стихами заговорил. Ты наверняка до сих пор думаешь, что все мы – твоя пьяная галлюцинация?

– Если честно, есть такое. – Что ещё мог ответить Снежин, топая по предутреннему кладбищу и беседуя с призраком?

– Я, пока живой был, тоже в такие вещи не верил. Нас ведь как учили? Бога нет! Того света нет! Души и той якобы нет! И что всему необычному есть научное объяснение. А загробный мир наука отрицает, как когда-то отрицала пользу мытья рук и возможность общаться друг с другом на расстоянии. А потом изобрели телефон.

– А теперь ещё и мобильники...

– Ну да, Вера рассказывала. Ну давайте, объясните теперь нам, покойникам, почему мы тут отсиживаемся, а не провалились в небытие вместе с бренными останками, следуя версии марксизма-ленинизма? – возмутился милиционер. – А я, когда на меня Леший ствол наставил, представляешь, вдруг Богу молиться начал! Это я-то, коммунист, и вдруг Бога вспомнил! Смотрю в дуло, понимаю, что всё, мне конец, а у самого в голове: «Отец наш Всевышний, прими душу грешного раба Твоего Михаила». Выстрелов я не услышал, боли не почувствовал.

– А что чувствовали? Я читал, что многие перед смертью видят свет в конце тоннеля, – осторожно спросил Сергей собеседника.

– Света я никакого не видел, иначе бы он меня с собой забрал. Просто видел всё со стороны: вот я лежу, вот Стёпка в Лешего стреляет наповал, вот участковый за вторым злодеем побежал. Потом похороны помню. С почестями меня закапывают, а я рядом стою, наблюдаю. И ты знаешь, никаких эмоций! Только обидно было, что клятву одну не выполнил. Один раз, правда, хотел в морду дать коллеге, который на поминках заявил, что был мне чуть ли не лучшим другом. Ага! Всё как раз наоборот! Не раз подводил, да и как человек – сволочь был та ещё. Знал бы, что я его слышу и вижу...

– Да нет, товарищ капитан, религию в России давно реабилитировали, церкви восстановили, все в Бога уверовали, даже атеисты многие и те переобулись. И в существование души сейчас верят.

– Слушай, Сергей, а Ленина похоронили?

– Нет, Ленина не похоронили, так и лежит в мавзолее. Правда, почётный караул сняли, и очереди никакой нет. А сам мавзолей на время парада драпируют. И он теперь совсем не святыня.

Мужчины замолчали.

– Ты, Сергей, к сумасшедшим себя не причисляй, – посоветовал милиционер. – Много тайн ещё не открылось обычному человеку. Есть многое, человечеству неведомое.

Легче всего сейчас Сергею было с ним согласиться.

Так за философскими разговорами они дошли до ворот кладбища.

– Ну, бывай, майор! Найдёшь нас там же, ближе к полуночи, – сказал на прощание Штефер. – Бог даст, сможешь нам помочь, а нет – так и суда нет.

Сергей в этот момент разглядывал предрассветное небо, надеясь определить, какая сегодня будет погода. Он обернулся, чтобы ответить милиционеру, но рядом уже никого не было.

Куривший на крыльце администрации охранник сочувственно покачал головой, глядя на высокого мужчину в кожанке и грязных джинсах, разговаривающего с самим собой.

За воротами кладбища в ветвях деревьев проснулись и запели первые птицы. На белом свете вступал в свои права новый день.

Глава 5

Поймав попутку, Снежин добрался до дома только к половине шестого утра. Хотелось кофе и спать. Или наоборот. Мысли об увиденном и услышанном ночью он от себя гнал. «Выплюсь – буду думать», – решил он. Но был рабочий день, и службу никто не отменял. Сергей набрал Вагифа.

– Вагиф, дорогой, прости за ранний звонок, но у меня к тебе просьба. Дай отоспаться часов до десяти. Вчера на кладбище был, потом всю ночь не спал, – не стал ничего выдумывать Снежин, но и в подробности решил не вдаваться. Он знал, что начальник его поймёт, так как голос Сергея не выдавал ни следов пьяной ночи, ни ноток похмелья. Сработало.

– Ладно, отсыпайся, но к обеду чтобы как штык! – вошёл в положение подчинённого Барсаев.

– Спасибо, Вагиф, буду обязательно!

Вернувшись домой, Сергей повесил куртку на вешалку. Всё остальное – грязные джинсы, футболку, носки с трусами – сбросил с себя прямо в коридоре и встал под живительный душ.

«Исхитрись-ка мне добыть то, чаво не может быть. Запиши себе названье, чтобы в спешке не забыть...»

Строки из филатовской поэмы про Федота-стрельца крутились у него в голове. То, чаво не может быть... Названье, чтобы не забыть. Шизофрения? Биполярка? Может, банальный делирий? «Белка» то есть...

Будильник, заранее поставленный Сергеем на телефоне, заиграл гимн России. Ровно 11:00. Снежин проспал пять часов.

«Досплю ночью, если получится», – решил он и, наливая себе кофе, уже думал о ночном приключении как о чётком и реальном, но всё-таки сне. Натянув на себя всё чистое, он собрался было выходить из дома, но его взгляд упал на кучу одежды, разбросанной на полу. Собрав вещи, он понёс их в стоявшую в ванной корзину. По пути из кармана джинсов что-то вывалилось. Оглянувшись, Снежин увидел на полу смятую конфету «Мишка на севере». Не приснилось, выходит...

На работу майор шёл в смятении. Кому рассказать – не поверят. Или того хуже – сочтут, что действительно «белку» словил.

– Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления, – сказал сам себе Сергей и зашагал быстрее.

На работе царил привычная суэта. Просмотрев сводки происшествий, Снежин ничего интересного не нашёл. Убийств и «тяжей» за текущие сутки не совершалось.

Утренней оперативки в этот день тоже не было. Вагиф отчитывался у руководства по текущим делам. Лишь вернувшись, он созвал состав отделения на совещание. Речь, конечно же, зашла о пропавшем Илье, мать которого написала жалобу в главк о том, что её сына не ищут. А его искали: ориентировки были даны в местную прессу и в соцсети. Увы, новостей не было. Никаких сообщений от граждан и подсобного аппарата не поступало.

Сидевший слева от начальника Снежин вдруг задумался. В его ночном приключении кто-то что-то говорил о каких-то мальчишках, которые редко приходят поиграть с Лусине, и что они старше её. Уж не наши ли это мальчишки, точнее, их призраки?

Вернувшись в кабинет, он позвонил Насте.

– Настюш, проверь, пожалуйста, проходил через тебя или нет труп девочки лет шести-семи, зовут Лусине. Местная.

– Криминальный труп? Что-то не помню такой.

– Ну, глянь внимательней!

- Фамилия хотя бы есть? Сейчас в компьютере посмотрю.
- Вроде Абемян.
- Нет, не было такой, я за последние десять лет посмотрела. А в чём дело, Серёж?
- Да в том-то и дело, что... Сам не знаю. Слушай, а кроме тебя у кого-то может быть информация?
- Ну конечно! Если ребёнок в больнице умер – у патологоанатомов. Если вообще не у нас, то в загсе, где свидетельства о смерти выдают.
- А у патов можешь узнать? Есть там знакомые?
- Дай время, уточню.
- Настя перезвонила через полчаса.
- С тебя тортик, Снежин! Записывай: не Абемян, а Агабемян Лусине Арсеновна, шесть лет. Диагноз: двусторонняя пневмония, ковид. Умерла 28 февраля прошлого года. Мать Агабемян Седа Ваниковна, отец Агабемян Арсен Шагенович.
- Адрес есть?
- Да, пиши. – Яровая продиктовала приятелю адрес родителей девочки.
- Спасибо, дорогая! Будет тебе тортик. – Сергей нажал кнопку отбоя и уставился на листок с только что полученной информацией. «Адрес есть, но что теперь с ним делать? Идти к Агабемянам? И что им сказать? Здравствуйте, я вчера ночью с вашей дочкой общался? Хорошо, если просто с порога пошлют. Так ведь могут морду набить. Ладно, мы пойдём другим путём».

Через час он был у двери администрации кладбища. Директор царства мёртвых, мужчина за шестьдесят, глянув на удостоверение сыщика, достал книгу учёта захоронений за прошлый год. Место последнего приюта Лусине Агабемян нашлось быстро – 18-й сектор, захоронение 23.

На памятник любимой дочери родственники Лусине не поскупились. Огромная стела из чёрного гранита с поликарбонатовым навесом над всей территорией захоронения была видна издали. На памятнике золотом были выбиты фамилия, имя и отчество девочки, а с большого цветного портрета Снежину улыбалась его вчерашняя знакомая. Только волосы у неё не висели мокрыми сосульками, а были завиты в крупные длинные локоны. Подножие памятника устелено гранитными плитами, столик и скамейка были сделаны из того же материала. В цветниках по обе стороны от памятника – свежие живые цветы, у подножия – плюшевые игрушки и блюдце с конфетами и печеньем. Сергей заметил две «Мишки».

Он сел на гранитную скамейку, глядя на портрет девочки. Вдруг слева послышался шорох. Снежин оглянулся: к могиле медленно подходила темноволосая женщина с чёрным кружевным платком на голове. В руках она держала небольшую сумочку. Подошедшая была моложе полицейского, но некая внутренняя боль явно старила её. Усталые глаза женщины были красными от слёз.

- Ви кто? – спросила она настороженно и с лёгким акцентом. – Что ви здесь делаете?
- Здравствуйте! Меня зовут Сергей. Я ищу Седу – маму Лусине.
- Я Седа, – ещё больше насторожилась женщина, пытаясь понять, откуда у её малышки такие взрослые знакомые.
- Седа, у меня к вам серьёзный разговор. Я не знаю ни вас, ни вашу девочку. Но если вы согласитесь меня выслушать, я вам кое-что расскажу, – произнёс Сергей, уже придумав, что скажет этой убитой горем матери.
- Говорите. – Седа достала из сумки бутылочку воды.
- Вы удивитесь, но я в некотором роде медиум – общаюсь с душами умерших. Сегодня ночью мне приснилась ваша дочь.
- Женщина глядела на него широко раскрытыми глазами, в которых читалось недоверие.
- Что ви несёте?! Какие, к чёрту, медиумы? Ви очередной шарлатан?

– Седа, послушайте меня, я не причиню вам зла. Ваши деньги мне не нужны. Я действительно видел вашу дочь и пытаюсь выполнить её просьбу.

– Уходите, пожалуйста! – В тёмных глазах женщины появились слёзы.

– Выслушайте меня... Не поверите – не надо, но я обещал передать её слова. Вам не надо сюда ходить! Лусине не хочет, чтобы вы приходили часто. Вы топите её в своих слезах. Не отпускаете! Она не может перейти туда, куда ей нужно. На небо, к Богу, считайте как угодно!

– Я всё поняла. – Женщина зарыдала. – Вас мой муж подослал! Он не разрешает мне сюда ходить, но я не могу... не могу расстаться с моей девочкой. Она там, в сырой земле, а я здесь – совсем близко. Я к ней хочу! Вот, оказывается, Арсен что придумал – медиума подослал. Уходите немедленно!

– Седа, пожалейте свою дочь. Она там вся мокрая! Хотите, я скажу, во что она одета? В белое ажурное платье ниже колен с пышными рукавами. На голове красивый ажурный ободок. И игрушка... маленький оранжевый медвежонок на брелке...

– Не смейте! – закричала Седа. – Арсен прекрасно помнит, в каком платье мы похоронили нашу девочку, и Копатыча – её любимую игрушку – в гроб положили. Вам не удастся меня обмануть! Сколько би вам не заплатил мой муж, у вас ничего не получится. Я буду приходить к моей девочке. Буду!

Несчастную, убитую горем мать переубедить, казалось, было невозможно.

Возвращаясь с кладбища в отдел, Снежин размышлял, кого из друзей или знакомых можно посвятить в свою тайну. Один он это не вынесет. В том, что всё произошедшее нужно оставить в тайне, он не сомневался, как и в том, что в одиночку будет сложнее справиться с просьбами его новых знакомых. Дилемма! Нужно найти того, кто не покрутит пальцем у виска, не назовёт его шизиком и не вызовет психушку. Вадим Рюмин? Не пойдёт – ярый материалист, скептик. Такой ещё и на смех поднимет. Вагиф? Вовсе не вариант! Решит, что подчинённый вконец допился. Да и не до призраков ему. Настя? Эта сделает вид, что поверила, чтобы только заполучить его, Сергея. На самом же деле она ещё больший материалист, чем Вадька, потому что всю сознательную жизнь возится с трупами, и никто из них ни разу не ожил на её глазах.

Снежин вспомнил забавный случай, произошедший шесть-семь лет назад и стоивший Анастасии, по её утверждению, десятка седых волос. История эта вышла за пределы бюро СМЭ, став очередной городской легендой.

Петрогорский морг, с одного входа в который располагалась патологоанатомическое отделение, а с другого – бюро судмедэкспертизы, занимал помещение в центре города, рядом с больницей и парком культуры и отдыха. По этическим соображениям здание было обнесено высоким бетонным забором, чтобы лишний раз не напоминать пациентам стационаров о возможности выписки «в другую дверь» и не портить настроение мыслями о бренности тела тем, кто с целью телесного же оздоровления гуляет по дорожкам парка.

К помещению с холодильниками вела невысокая эстакада, а в администрацию СМЭ – отдельное крыльцо. Весенним воскресным утром Лиля Закаменная сдавала Насте Яровой дежурство. Вышли покурить. Лилька отчиталась, что за ночь поступил только один труп – мотоциклист без головы. То, что осталось от головы, сложили в отдельный пакет и убрали в тот же мешок, что и сам труп. Морговская курилка находилась за помещением с холодильниками, с правого торца здания. Стоят, курят, беседуют. Вдруг слышат – из холодильника раздаётся дикий вопль, следом грохот, да такой, будто кто-то на ошупь со всей силой долбит кулаками по металлу. Из металла были сделаны холодильники, а стены изнутри обшиты цинковыми листами.

– Что за хрень?! Кто там у тебя ещё? – заорала Настя, и тут грохот и неразборчивый крик повторились.

Лилька, которая прекрасно знала, что никого, кроме безголового гонщика и ошмётков его головы, в холодильнике быть не может, завывала, не произнося ни слова, тыча пальцем в сторону морга. Настя, испугавшись не столько звуков из холодильника, сколько вида воющей подруги, бросилась наутёк, то есть в помещение бюро судмедэкспертизы. Тут грохот и крик раздался вновь, и Лилька, издав такой визг, что, будь в морге ожившие покойники, они бы умерли со страха, ринулась за Настей.

В это время на крыльцо, игнорируя официальную курилку, вышел санитар Костя. Не успел он прикурить сигарету, как со стороны эстакады услышал сначала глухой крик, потом железный грохот, увидел бегущего и орущего благим матом судмедэксперта, а затем опять грохот, визг и несущегося в его сторону второго судмедэксперта.

При этом Лилька, заскочив на крыльцо, сбила с ног ошалевшего Костю. Тот упал в разрыхлённую дворником клумбу и в процессе полёта мог наблюдать, как за орущей Лилькой захлопнулась входная дверь. Костя был не просто скептиком, а чуть подвыпившим скептиком.

Сначала он еле достучался, чтобы девки ему открыли, затем взял в ящике стола ключ от холодильного помещения и, стряхнув с себя повисших на нём и не пускавших к выходу перепуганных женщин, всё же вышел на улицу и направился к холодильнику. Настя дрожащими пальцами пыталась набирать на мобильнике номер полиции.

Скептик Костя справедливо полагал, что раз человек орёт, значит с голосовыми связками у него всё в порядке. Раз может стучать, то и с мышцами конечностей проблем нет. В совокупности это означало, что человек жив.

Как только Костя открыл замок, ему навстречу с криками выскочил неказистый мужичок. Костя даже не успел принять боксёрскую стойку, чтобы вырубить нападавшего, как тот, прошмыгнув мимо него, бросился бежать прочь. Благо калитка была открыта.

Как позже выяснилось, произошло следующее. Накануне вечером в парке трое мужиков пили водку. Когда от последней из трёх бутылок ещё оставалась половина, один, случайно задев, уронил оную. Жидкость вылилась, и собутыльники стали предъявлять бедолаге претензии, мол, ищи где хочешь. Тот в отказ: денег нет, да и где он ночью возьмёт. Слово за слово – началась словесная перебранка, перешедшая в мордобитие. Силы оказались неравны. Виновник скандала бросился наутёк через парк. Расстроенные недопоем соперники – за ним. В это время к моргу подъехала труповозка. Автоматические ворота открылись, и водитель спецмашины начал задом заезжать на эстакаду.

Костя вышел, чтобы открыть санитару труповозки холодильник и принять труп. Мешок выгрузили. Тело занесли. Лилька в это время принимала направление от инспектора ГИБДД. Водитель труповозки отошёл по нужде, а санитар попросил у Кости сигарету. У того с собой не было, пришлось идти в отделение за новой пачкой.

В это время убегавший от погони мужичок выбежал из парка и увидел открытые ворота, а за ними двери в какое-то помещение. Он и забежал внутрь спасительного отсека. Вернувшийся Костя закрыл холодильник и, проведив труповозку, вернулся в комнату отдыха.

Пьяный мужичок в холодильнике успокоился и даже уснул. Проснувшись, он не понял, где находится, он страшно замёрз. Услышав на улице женские голоса, пьянчужка решил обозначить себя звуком, требуя освобождения. Потом полиция всё же нашла его – отследив по камерам наблюдения. Он и рассказал о том, что произошло в парке, получив в итоге пятнадцать суток.

Тогда и Настя, и Лилька в очередной раз убедились, что мертвецы не ходят и не разговаривают, поэтому именно их убеждать в обратном Сергею не хотелось.

«Точно! Как я сразу не подумал!» – он ударил себя ладонью по лбу, вспомнив о подходящем человеке.

Коллега Снежина Гриша Клименко нравился тому и как друг – на него можно было положиться, и как человек – с ним было интересно. Гриша, невысокий черноволосый и синеглазый

старлей, был помешан на НЛО и собирал из интернета всю информацию: показания очевидцев, фотографии летающих тарелок, рассказы лётчиков, информацию спецслужб и т. д. Клименко так интересно рассказывал о них, как будто сам с ними не раз встречался, и свято верил в существование внеземных цивилизаций.

Гриша был младше Сергея и по возрасту, и по званию, но возрастного барьера между собой и тридцатитрёхлетним Гришей майор не ощущал. Снежин вышел из кабинета и подёргал соседнюю дверь. Закрыто. Взял телефон, набрал Гришу:

– Старик, есть дело! Ты далеко отъехал? Дома уже? Мне надо тебе что-то рассказать. Нужна помощь. Но давай договоримся на берегу: всё строго между нами. Ты ни при каких условиях не вызываешь психбригаду.

– Жду! – ответил заинтригованный Гриша.

Через пять минут, закрыв служебный кабинет и вызвав дежурную машину, Снежин ехал на другой конец города.

Глава 6

Старший лейтенант полиции оперуполномоченный уголовного розыска Григорий Клименко жил в двухэтажном кирпичном доме вместе с родителями, младшей сестрой Леной и пятилетней племяншкой Кирой. Жениться он пока не планировал, возможно потому, что текущее положение его вполне устраивало. У Григория была своя большая комната с балконом, прекрасные завтраки, обеды, ужины, приготовленные мамой или домработницей Катей, а также подаренная родителями несколько лет назад на окончание школы полиции чёрная БМВ.

К этим благам прилагались безусловная родительская любовь и соблюдение личных границ. Семья была настолько дружная, что можно было позавидовать. Отец Григория, генерал-майор артиллерии в отставке Александр Григорьевич Клименко, в свои восемьдесят с хвостиком был ещё вполне бодрой мужчиной. Высокий рост, спортивная фигура, офицерская выправка, сохранившаяся шевелюра тёмных волос с малозаметной проседью и голубые глаза никому не позволяли назвать его стариком. Только глубокие морщины на лбу и переносице говорили о том, что человек этот многое пережил.

Генерал-майор Клименко всегда был на самых опасных рубежах: Афганистан, Нагорный Карабах, Чечня. Вот и сейчас, здесь он со своим опытом пригодился в качестве военного эксперта и преподавателя артиллерийской академии.

Супруга – Валерия Игоревна, бухгалтер по профессии – была почти на пятнадцать лет младше мужа. Гриша родился, когда отцу было уже под пятьдесят, но ещё через два года родилась Лена. А с появлением наследников, завести которых до этого у боевого тогда ещё подполковника не было возможности, Александр Григорьевич умудрился отодвинуть старение и даже помолодеть.

Подъехав к дому друга, Снежин позвонил в звонок. За забором из итальянского кирпича залаяли собаки: по территории бегали два милейших ротвейлера – Гром и Молния. Правда, милейшими они были только для членов семьи, тогда как посторонних были готовы разорвать на мелкие кусочки. Передвигаться по двору без сопровождения кого-то из членов семейства Клименко было безумием.

Григорий встретил Снежина у калитки и провёл в дом. Было около девяти вечера. Навстречу вышла Валерия Игоревна, миловидная ухоженная женщина в длинном шёлковом халате. Она поздоровалась с Сергеем и, увидев, что сын с гостем направляются к лестнице, пообещала принести ребятам ещё тёплые пирожки с картошкой и бутерброды.

– Коньячку плеснуть? – усаживаясь в любимое кресло, спросил Гриша у Снежина, разместившегося рядом на диване.

– Только на два пальца, дело необычное, – ответил Сергей.

Гриша достал из вделанного в небольшой столик бара бутылку дагестанского коньяка и разлил по бокалам.

– Рассказывай! Я в нетерпении, особенно после того как ты про психушку сказал. Колись, что стряслось?

– Гриш, помнишь, когда ты рассказывал про инопланетян, я ржал?

– Да вы все ржали, фомы неверующие...

– Теперь пришла твоя очередь поржать. Хотя я очень надеюсь, что ты меня выслушаешь и не поднимешь на смех.

И Снежин принялся рассказывать. Григорий слушал раскрыв рот. В некоторых местах он позволял себе нецензурно выразиться.

Когда Сергей дошёл до беседы с погибшим милиционером по пути к выходу с кладбища, появилась Валерия Игоревна с подносом. Снежин замолчал, а Григорий даже не обратил внимания на мать. Он уставился куда-то в одну точку на полу, забыв про бокал коньяка в руке.

– Мальчики, вы не сильно увлекайтесь, на работу завтра, – с этими словами Валерия Игоревна поставила поднос на столик и удалилась.

Снежин продолжил. На его словах о подтверждении патологоанатомами смерти девочки по имени Лусине Гриша не выдержал:

– Охренеть! Это просто охренеть!

Однако, дослушав монолог Снежина до конца, Гриша надолго замолчал.

– Ну... допустим, – медленно заговорил он. – И как ты теперь собираешься выполнять просьбу девочки?

– А я знаю?! Я вообще-то не очень хочу опять оказаться ночью на кладбище...

– Но ты же им пообещал!

– То-то и оно! Может, ты со мной?

– А смысл? Я-то их всё равно не увижу, если всё так, как ты говоришь. Да и захотят ли они мне показываться?

– Тогда просто подожди за воротами, в машине. Так и мне спокойней будет. И вот ещё что я вспомнил. Олег, десантник, проговорился, что Лусине скучно потому, что какие-то мальчишки прибегают редко. Какие мальчишки? Они живые или нет? А может, это наши пропавшие пацаны?

– Поехали! – Гриша встал и, на ходу натягивая брюки, оглянулся в поиске ключей от машины. – Ах да, в куртке.

– Мальчики, вы куда на ночь глядя? Выпили же! – возникла в дверях Гришина мама.

– Мамуль, мы быстро и недалеко. Я почти не пил. Скоро буду! – Чмокнув мать в щёку, Гриша, забыв про Снежина, кинулся в гараж за машиной. Сергею, помнившему про Грома с Молнией, пришлось поторопиться за приятелем.

К воротам кладбища друзья подъехали около полуночи. «Самое время для прогулок», – подумал Сергей. Он задумался, чем бы объяснить охраннику свой поздний визит, но окна в здании были тёмными. Либо охранника не было на месте, либо он спал сном праведника.

Снежин вышел из машины, проверил наличие заряженного телефона в кармане куртки, достал предусмотрительно захваченный с собой фонарик и уверенно зашагал по асфальту вглубь территории. Григорий перекрестился, закрыл наглухо все окна и заблокировался внутри бэхи.

Подходя к знакомой поляне, Сергей, как и в первый раз, услышал звуки мелодии. Несколько мужских голосов пели под гитару. Слов было не разобрать, но мотив Сергей узнал – «Синева» из «Голубых беретов». Подойдя к поляне, он увидел компанию в полном сборе. Как и накануне ночью, одни сидели за столом, другие расположились кто где, а бойцы-разведчики и поручик, сидя там же, у сосны, жгли костерок и старательно повторяли за аккомпаниатором и запевалой Олегом куплет про ковры-самолёты.

Снежин улыбнулся. Странно было видеть, как солдаты давно минувших войн, а уж тем более поручик царской армии поют современные песни. Видно было, что ни те ни другие не знали хорошо текст, но всё равно пели душевно.

– А моя мама всегда клала к капусте и свёкле именно горячую варёную картошку, говорила, что так она быстрее луком и капустой пропитается и будет вкуснее. И в конце обязательно ложку жгучей горчицы добавляла! Тогда острота чувствовалась, очень вкусно получалось, – объясняла Вера графине какой-то рецепт.

– Неплохая идея с горчицей! Жаль, в наше время без неё обходились. Наверное, её добавлять только в ваше время догадались, – отвечала графиня.

Сергея встретили как старого знакомого. Вера с графиней оставили кулинарную тему и поприветствовали гостя. Навстречу ему поднялся капитан Штефер.

– Мы не были уверены, что ты вернёшься, – капитан приветствовал коллегу, – поэтому вдвойне рады тебя видеть. Ребята, – капитан кивнул в сторону бойцов, – хотели уже ставки делать «придёт – не придёт», да не успели. – Как ты после вчерашней ночи? Успел выспаться?

– Немного поспал, да, – ответил Сергей и увидел, как откуда-то из леса выбежала Лусине и кинулась к нему.

– Сказал маме? – не здороваясь, спросила малышка.

– Сказал! Лусине, мне пока нечем тебя порадовать. Твоя мама мне не поверила. Решила, что меня твой папа подослал. – Сергей подробно описал ей встречу с Седой.

Девчушка заплакала. К Сергею и Лусине подошла вышедшая из-за стола Вера. Она погладила ребёнка по мокрой головке.

– Я знаю, что делать! – сказала женщина и обратилась к Лусине: – Вспомни, пожалуйста, что-нибудь такое, о чём знали только ты и твоя мама и о чём никто другой знать не может.

Девочка задумалась.

– Ладно, ты иди пока, повспоминай, а мы с нашим гостем побеседуем.

Сергей присел к столу. Ему хотелось более подробно рассмотреть всех, кого он не успел разглядеть прошлой ночью. Милиционер подошёл сзади и протянул Сергею пластиковый стакан, налитый до половины. Он понюхал – водка.

– Пей давай, а то замёрзнешь и простынешь, ночи вон какие холодные, а тебе ещё домой топтать, – начальственным тоном произнёс милиционер.

Снежин не стал говорить, что он на машине и его ждут.

– Михаил Яковлевич прав, – вмешалась Вера. – В отличие от нас вы можете замёрзнуть, простыть и умереть.

Сергей посмотрел ей в глаза. Даже при слабом освещении видно было, что глаза у Веры ярко-зелёные, почти изумрудные. Вкупе с длинными густыми тёмно-русыми волосами и алыми губами они смотрелись очень эффектно. А белый костюм придавал этой красавице что-то призрачно-таинственное. Такими представляются призраки в старинных замках.

«Кого-то она мне смутно напоминает», – подумал Сергей.

– Чего вы так на меня смотрите? – Вера не могла не заметить восхищённого взгляда Снежина. Она приняла его как женщина, привычная к комплиментам и не смущавшаяся при проявлениях мужского внимания.

– Любуюсь! – честно признался Снежин.

– Ну-ну... – спокойно ответила Вера. Она хотела сказать ещё что-то, но громкие голоса с другого края большого стола заставили обратить на себя внимание всех. Архитектор Николай Иванович и фронтовик Тарас Петрович о чём-то громко спорили.

– Опять старики ссорятся! – встрепенулась Вера и обратилась к графине с поручиком: – Елизавета Павловна, Игорь! Вы бы хоть их пыл охладили! А то потом опять за сердце будут хвататься, ну или что там у нас...

– Ой, да бросьте! Во-первых, мы классовые враги для них обоих, во-вторых, мне нравится слушать их грызню и гадать, кто кого переспорит в этот раз. В-третьих, они сами от этих склок получают огромное удовольствие. Сегодня, я думаю, позиции Тараса Петровича значительно превалируют над оппонентом, – поправив фуражку, резюмировал Данович.

– А я говорю, что мы план выполняли! – кричал Лукин. – Вражеские голоса кричали по радио, что советские люди живут в бараках. Они и жили в бараках, пока мы новое жильё не начали строить ударными темпами. Да мы пятилетку за три года делали, люди благодаря нам въезжали в новые удобные квартиры и были счастливы!

– Конечно, счастливы! После сырых барачков и курятник раем покажется! Понастроили клетушек, как для лилипутов! – возмущался Луценко. – На кухне толком холодильник не поставишь, я уже не говорю про нормальный стол. Развернуться негде! А окна зачем между кухней и ванной? За голыми бабами подглядывать?

– Дурак ты, Петрович! Окно – это чтобы электроэнергию экономить, а если ты через него на баб голых глазел, это твои проблемы.

– А коридоры, а лестничные клетки?! – не сдавался Луценко. – Там же не развернёшься! А балконы!

– Всё нормально было на лестницах!

– Нормально?! – орал фронтовик. – Да меня – уважаемого человека – стоя выносили! Туда-то гроб пустой занесли, а обратно – в пролёте не смогли развернуться. Пришлось вертикально ставить! Благодаря тебе и таким, как ты, я, уважаемый покойник, вынужден был, считай, вертикально в последний путь топтать!

Десантник Олег согнулся пополам от хохота, невеста Аннушка прыснула и укутала лицо в фату, поручик украдкой смеялся в кулак. Даже аристократически сдержанная графиня не сдержала улыбки. Уж очень забавной им показалась описанная Тарасом Петровичем потенциальная картина его похорон, где он самостоятельно спускается с лестницы.

– А нечего было вырастать до таких размеров! – пытался парировать Николай Иванович.

Хохот грянул уже над всей поляной. Даже сам фронтовик, вспомнив, что гроб действительно пришлось ставить практически на попа, захохотал так, что пламя костра вспыхнуло сильнее и, выпустив в небо столб искр, вернулось в прежнее состояние.

– Не, дедули, ну правда, хватит уже! – Олег отложил гитару, играть на которой при громком споре стало невозможно. – Забыли, кто у нас в гостях и зачем? Думайте лучше, чего вы такого натворили, ну или не натворили, раз здесь застряли?

– А сам-то ты знаешь? – спросил Лукин у Олега.

– Знаю! Мне нужно одному гаду отомстить, только не знаю как. Иначе не будет мне покоя ни тут, ни там, – парень показал пальцем сначала вверх, потом вниз.

– Может, расскажешь нашему гостю? Да и мы заодно послушаем, глядишь, чего и подскажем.

– Обязательно расскажу, но пусть наш гость сначала всё-таки попробует помочь Лусинке. Маётся же ребёнок, жалко!

– Действительно, пусть сперва девочке поможет, а мы столько лет ждали, что ещё подождать можем! – поддержали Олега остальные мужчины.

– Лусине! – позвала Вера. – Иди к нам!

Девочка, сидевшая на пеньке у края стола и пытавшаяся понять, почему взрослые смеются, подошла к Вере.

– Я вспомнила! Я спрятала клад в своей комнате. Под столиком с наклейкой Копатыча стоит сундучок. Я завернула в фантик от шоколадки Кузю и Лунтика и спрятала там. Мне мама их принесла в тот день, когда я заболела. Мы в больницу собирались, и я не хотела, чтобы они там заразились. Вот и спрятала в сундучок, чтобы они меня ждали. А потом, уже в больнице, просила маму мне их принести. Она обещала, но... не успела.

– Я думаю, это подойдёт, – прикинула Вера.

– Кто такие Кузя и Лунтик? – спросил ничего не понявший Снежин. Не имевший своих детей майор слабо разбирался в персонажах современной мультипликации.

– Мультишные герои, кузнечик и лунная пчела, – разъяснила Лусине. – Они совсем маленькие, пластмассовые.

– Хорошо! Завтра приеду к твоей маме и расскажу про них.

– Ещё, пожалуйста, передай маме, что к ней скоро придёт мой братик. Он уже идёт! Только пусть она не плачет, а то он не дойдёт и утонет. Хорошо?

– Хорошо, Лусине, я обязательно всё сделаю!

Снежин посмотрел на маленькое личико девочки, и сердце его сжалось от обиды за этого ребёнка, душа которого так трогательно продолжает заботиться о маме. Как, наверное, ей тоскливо оставлять здесь маму, папу, а теперь и будущего брата. Они будут жить, радоваться солнцу, цветам, дождю и снегу, разным праздникам, но... без неё.

Лусине как будто прочитала его мысли:

– У меня будут другие дела, очень важные и нужные! Я давно уже должна была ими заняться, но мама меня не отпускает.

– И ты знаешь, какие именно? – рискнул спросить Сергей.

– Конечно! Я буду везде ходить за одним человеком и охранять его от всяких неприятностей. Но из-за того что я опаздываю, этот человек никак не может родиться, хотя его мама и папа его очень ждут.

– Хорошо, малышка. Обещаю, я всё сделаю, – кивнул Сергей. – Но пока ты здесь, можешь ответить на несколько моих важных вопросов?

Лусине кивнула.

– Спрашивай! – важно ответила девочка. Она всем своим видом попыталась изобразить царицу-повелительницу, но тут же хихикнула в кулачок, и до того забавно это вышло, что все тоже засмеялись. Даже сам майор хохотнул, хотя в ту ночь, когда он проснулся на кладбище, её хихиканье не вызвало в нём ничего, кроме животного ужаса.

– Олег говорил, что к вам приходят какие-то мальчишки. Кто они? Ты их знаешь?

– Не особо знаю, но видела. Они противные, дразнят меня мокрой курицей и играть с собой не берут! Я просилась с ними, не взяли.

– Они где-то рядом живут? Они... живые или...?

– Они оттуда, – девочка махнула рукой в сторону леса. – Не живые они, это точно, хотя думают, что живые. Иначе бы они меня не видели и не слышали. А так увидели и даже не испугались, хотя я пыталась их пугать.

– А ты сможешь с ними поговорить, узнать о них что-нибудь ещё, если они придут? – спросил Сергей.

– Я пыталась, но они только дразнятся. Я когда сюда... здесь появилась, их двое было, потом ещё один пришёл, – ответила Лусине.

«Это они!» – понял Сергей.

На востоке вновь просыпалось солнце. Снежин простился с компанией и зашагал к выходу. Он знал, что его вновь будут здесь ждать. Удивительно, но сейчас ему совершенно не хотелось спать, несмотря на то что в последние дни он тратил на сон меньше обычного.

Гриша дрых без задних ног, откинув назад водительское кресло и положив руки под голову.

– Подъём! – Сергей тихонько постучал по стеклу. Друг заворочался, разлепил глаза и уставился на Снежина непонимающим взглядом. Лишь оглянувшись по сторонам, Гриша вспомнил, что он здесь делает, и вышел из машины.

Друзья закурили.

– Сейчас бы кофейку! – Гриша почему-то не торопился задавать вопросы. Он сам не мог понять, верит рассказу друга о его кладбищенских приключениях или нет. – Ну, как сходил?

Снежин рассказал ему о реакции Лусине и о последней надежде на клад с игрушками.

– Ты про мальчиков у неё спросил? – поинтересовался Клименко.

– Спросил. Девчонка уверена, что они мёртвые, но где они, не знает. Махнула рукой куда-то в сторону леса. Но это они, точно. Девчонка говорит, что сначала их двое было, потом ещё один появился. Сама она здесь второй год.

– Надо по карте вычислить, куда именно она показывала, и прочёсывать там всё, – предложил Гриша. Сергей согласился, но пока его волновала предстоящая встреча с матерью девочки. Григорий, чтобы определить для себя все за и против, напросился на встречу с Седой.

Доставив домой Снежина, Гриша уехал к себе: можно было поспать ещё пару часов, принять душ и подкрепиться.

Умудрившись не опоздать ни на минуту, Снежин и Клименко отчитались перед Вагифом о проделанной работе по текущим задачам, услышали от дежурного, что по ориентировкам на пропавшего Илью так никто и не звонил, и зарылись в бумаги. Ближе к обеду Сергей заглянул в кабинет Гриши:

– Ну что, едем?

Седа оказалась на своём привычном месте – на могиле дочери. Она лила из литровой бутылки воду на какую-то тряпку и пыталась оттереть несуществующие пятна на сияющем чёрном камне. Женщина что-то тихо говорила по-армянски, ничего вокруг не замечая – ни солнца, ни птичьего пения в ветвях деревьев.

Только когда Сергей с Григорием приблизились к самой могиле, она обернулась на звук шагов. Мама Лусине взглянула на полицейских недружелюбно.

– Опять ви?! Я же просила не приходить. Муж очень удивился, когда я ему рассказала о том бреде, который ви здесь несли. Пытался убедить, что это не он вас подослал, но я уверена, что это он. Или мама. В любом случае я не хочу с вами говорить.

– Седа, послушайте! Мне вы можете не верить. Поверьте дочери! У Лусине под столиком есть сундучок. Там спрятаны Лунтик и Кузя. Она говорит, что спрятала игрушки в тот день, когда заболела и уезжала в больницу. Она просила достать их и принести ей, но так и не дождалась.

Есть! Похоже, сработало! Женщина впиалась в него чёрными глазами, затем вскрикнула и... Снежин едва успел подхватить падающую на землю без чувств несчастную Седу.

– Воды! – крикнул он Грише. Тот быстро подобрал бутылку с водой, которой Седа мыла памятник, набрал в рот и брызнул в лицо женщине. Майор попытался усадить её на скамейку, благо та была со спинкой. Наконец, ему это удалось.

Придя в себя, женщина зарыдала.

– Господи, да как ви... Да где же... Лусине, доченька! – запричитала Седа.

– Успокойтесь, пожалуйста. Ну, успокойтесь же! – Снежин не находил слов, чтобы хоть как-то остановить поток слёз.

Подошёл Гриша и резко хлопнул женщину ладонью по щеке. Та смолкла, уставилась на Гришу и стала ловить ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Сергей приобнял её, протянув бутылку с оставшейся водой. Женщина сделала пару глотков и уже спокойным взглядом посмотрела на мужчин.

– Спасибо, я пришла в себя. Значит, правда! – произнесла Седа. – Мне очень хотелось верить, что моя доченька меня видит и слышит, но когда ви пришли в первый раз, я решила, что муж вас попросил. Но сейчас, когда ви сказали про Лунтика... Муж был в отъезде, когда Лусине заболела. У неё поднялась температура, начался кашель. Пришла врач-участковая, сказала, что ОРВИ, выписала лекарства. На следующий день дочке стало хуже, но мы продолжали её лечить дома. Тогда я и купила эти игрушки, Лунтика с Кузей, совсем крохотные фигурки. Хотела порадовать её. Вечером дочке стало совсем плохо, я вызвала скорую, и нас повезли в больницу.

В машине Лусине и рассказала про тайничок. Это моя старая шкатулка для украшений, я ей отдала, чтобы играла. На следующий день вроде лучше стало, температура начала снижаться. Дочка попросила принести ей эти игрушки. Объяснила, где они лежат. Я поехала домой. Утром собиралась привезти их, но в семь утра мне позвонили и сказали, что моей девочке ночью стало хуже и что они сделали всё, что могли, но... её больше нет. С того дня я

не вспоминала про игрушки, пока ви мне не сказали. В комнатке Лусине всё осталось так, как было при ней. Я ничего не трогала, иногда сижу там, вспоминаю мою девочку.

Майор не сразу заметил, что тыльной стороной ладони вытирает собственные глаза, ставшие влажными. Гриша, отвернувшись от Сергея и Седа, курил за оградкой.

– Расскажите мне... как она там? – спросила Седа.

– Ей плохо, она мокнет от ваших слёз и не может уйти к Богу, потому что вы её держите. Она говорит, что очень любит вас, но у неё есть дела. Она должна стать ангелом-хранителем для кого-то, кто ещё не родился.

Сергей помолчал, затем всё-таки сказал:

– Седа, а ведь вы беременны!

И тут же понял, что опять попал в точку. Женщина внимательно посмотрела ему в глаза.

– Это-то ви откуда знаете?! Я сама только вчера узнала, никому не успела сказать, даже мужу.

– От Лусине, – улыбнулся Снежин. – Она говорит, что у вас будет сын и что с ним всё будет хорошо. И уже обращаясь к другу: – Пойдём, Гриш!

– Стойте! – Седа схватила Сергея за руку и вдруг улыбнулась. – Передайте Лусине, что я очень её люблю, что папа её очень любит. Ми всегда будем помнить о ней. И ещё передайте... я... я отпускаю её!

До выхода с кладбища мужчины шли в полной тишине. Каждый думал о чём-то своём. Мысли нет-нет да возвращались к семье, к трагедии которой ему пришлось прикоснуться.

Сергей вспомнил случай пятилетней давности, произошедший в соседнем районе. Могильщики обнаружили, что одно из захоронений вскрыто, а из гроба исчезло тело молодого парня, умершего за четыре года до этого. Выяснилось, что мать, сойдя с ума от тоски по сыну, решила вернуть его домой. Она наняла каких-то алкашей, договорилась с водителем «Газели», заплатила им баснословные деньги, вырученные с продажи квартиры сына. Ночью алкаши выкопали останки, поместили в спальный мешок и на микроавтобусе привезли к ней домой. От сына остался почти голый скелет с высохшими мягкими тканями, так что запаха практически не было.

К женщине отправили молоденького участкового. Старушка сначала не хотела открывать, и тому пришлось схитрить. И когда она всё же его впустила, бедняге пришлось вызывать скорую. Войдя в комнату, лейтенант увидел укрытый саваном скелет, лежавший на диване. Мать несколько раз в день обтирала останки сына раствором уксуса, чтобы даже намёка на трупный запах не было. Она беседовала с ним. Включала ему телевизор. Обсуждала новости. Так ей было менее одиноко.

Несчастную старушку отправили в психиатрическую клинику, останки вернули на место, а кладбищенское руководство за счёт учреждения забетонировало весь периметр могилы, чтобы в дальнейшем не провоцировать женщину на безумные поступки.

Вернувшись на работу, Снежин и Клименко, открыв на компьютере карту города, нашли ту часть, где находится кладбище. Друзья принялись рассуждать, в каком именно направлении указывала Лусине, говоря про мальчишек. По карте в этом месте значился густой лес с оврагами, чуть дальше начинались болота. В нескольких километрах за ними – дачный кооператив «Строитель».

Тела ребят могли быть где угодно: брошены в лесу, зарыты в овраге, утоплены в болоте либо спрятаны на дачах. Именно дачный массив представлялись сыщикам самым подходящим и менее хлопотным для поисков местом возможного нахождения трупов.

– Поедешь сегодня со мной на кладбище? – спросил Сергей друга.

– Сегодня не могу, у отца день рождения. Кстати, заезжай вечером. Перед кладбищем хоть поешь нормально.

– Замётано! – ответил Снежин и позвонил участковому, в ведении которого находился дачный кооператив «Строитель». Он поручил ему обойти участки, опросить дачников, которые только начали приезжать из города копать огороды под картошку и ремонтировать теплицы. Сергей попросил уделить особое внимание тем, кто живёт на дачах больше двух недель, и тем домам, где жильцы давно не появлялись.

«Что подарить человеку, у которого всё есть?» – размышлял Снежин, забежав в торговый центр за подарком для Гришиного отца.

– Серёга, привет! – окликнул его низкий мужской голос. Это был муж племянницы Настасьино покойного мужа.

– Вечер добрый! – Снежин попытался вспомнить имя недавнего знакомого. – Геннадий, кажется?

– Всё верно, – ответил мужчина. – Ну что, нашли Илью?

– Какого Илью? – не сразу сообразил Сергей. Его мысли были заняты поиском подарка.

– Ну, мальчика пропавшего.

– Нет, пока не нашли. А что, есть информация?

– Да откуда?! Просто так спросил, – ответил Гена. – А то земля слухами полнится, что его где-то удерживать могут.

– Ну-ка, ну-ка! Давай подробнее.

– Да не помню, говорил кто-то, то ли на работе, то ли ещё где, – пошёл на попятную Гена. – Ну ладно, пока!

– Я, наверное, тебя на допрос вызову, может, там вспомнишь, – полицейский решил припугнуть Гену, изрядно надоевшего своими дурацкими предположениями. Он не понравился майору с самого начала, с тех пор как на дне рождения Насти упорно старался убедить оперов в том, что мальчиков похитили и где-то удерживают.

Если бы пропал один ребёнок, тогда можно было бы и такую версию рассмотреть. Но похищать троих хлопотно. Да и зачем? В рабство взять? Тогда бы он всё равно где-нибудь засветился. Даже если это деревня или посёлок, раба, которого держат для тяжёлого труда, кто-нибудь из соседей бы увидел. А уж трое мальчиков тем более вызвали бы вопросы.

Порноиндустрия? Сомнительно. Фотографиями после исчезновения каждого из них был обклеен весь город, ориентировки отправлены в другие регионы, новости выходили не только в краевых, но и в федеральных СМИ. Кто-нибудь бы узнал их и сообщил. Та же агентура. Но нет, полный аут. Как в воду канули. Или действительно в воду? Проверим и воду. Только прежде надо проверить дачи.

– Покажите вот этот нож, пожалуйста! Это охотничий? – Сергея заинтересовал нож с кожаными ножнами.

– Скорее разделочный, для мяса и рыбы. Настоящий якутский, ручная ковка, нержавейка, односторонняя заточка! Надёжная рабочая лошадка. Для выезда на природу идеален, – на одном дыхании ответил консультант.

– А рукоятка из чего?

– Берёзовый кап.

Покрутив в руках красивую вещицу, Снежин решил, что именно такой генералу Клименко вряд ли кто подарит. А он, Снежин, в своё время слышал по ТВ, что якутские ножи славятся на весь мир.

Прикинув, сколько у него останется до зарплаты, Сергей вздохнул и, поняв, что останется совсем немного, всё же решился на покупку.

До дома семейства Клименко Сергей добрался на такси. Ещё с улицы он заметил освещённые окна и отсутствие лая Грома и Молнии. Пёсиков явно загнали в гараж, а перед домом, где они обычно гуляли, припарковались несколько люксовых иномарок – транспорт генеральских гостей.

Гриша встретил друга у калитки. Он был уже изрядно подшофе – празднество началось часа два назад.

– Пойдём-пойдём, я отцу сказал, что ты придёшь.

Генерал Клименко вышел навстречу Сергею из большой гостиной, где за большим столом сидело два десятка человек.

– Серёга, привет! – по-свойски приветствовал его Александр Григорьевич после того, как Снежин искренне поздравил именинника. Отец Гриши был навеселе и тут же развернул подарок Снежина. – А это что? Ух ты! Якутский?! Такого в моей коллекции ещё не было! Ну, удружил! Пойдём, что покажу.

Генерал провёл Сергея в свой кабинет, где между стеллажами книг и шкафов из красного дерева стояло старинное бюро, явно выполненное лучшими мастерами прошлого столетия. Он открыл один из ящичков, и Сергей действительно увидел целую коллекцию ножей, в ножнах и без. Здесь были турецкий ятаган, кавказские кинжалы, старинный морской кортик, нож викингов, финки зоновской работы, крупный непальский кукри гуркхов и даже знаменитый малайский крис с причудливо изогнутым «пламенеющим лезвием». Большую часть экспонатов Снежин опознать бы не смог, хотя и интересовался холодным оружием.

– Супер, Александр Григорьевич! – с восторгом оценил он коллекцию хозяина. В это время в кармане генерала зазвонил телефон.

Пока именинник принимал очередные поздравления, Сергей рассматривал кабинет. Столько книг, сколько было в кабинете у генерала Клименко, он видел только в библиотеке. И еще картины!

На стенах под стеклом висели преимущественно пейзажи, явно оригиналы, а также семейные фотографии. Вот групповая, свадебная. На ней легко можно узнать бравого хозяина и его жену Валерию Игоревну. Вот кто-то незнакомый, в офицерской форме 80-х. «Видимо, тоже какой-то родственник», – подумал Сергей.

Взгляд майора остановился на чёрно-белом портрете, явно переснятом со старого. Приглядевшись к изображению молодого парнишки в военной форме с двумя кубарями в петлицах, Снежин поперхнулся воздухом и закашлялся: с довоенной фотографии ему улыбался разведчик Гриша.

Глава 7

– Это кто? – прокашлявшись, спросил Сергей у генерала.

– Мой отец, Григорий Иванович Клименко. Обидно, что я его даже не помню. У нас толком, кроме этого портрета, от него ничего и не осталось. Батя поступил в училище в 1938 году, после десятилетки. Выпустился в 40-м. На фото он как раз после выпуска. В том же году они с мамой поженились. Отец был на фронте с самого начала войны. Маму эвакуировали. Осенью 42-го ему удалось приехать к ней на краткую побывку. Буквально несколько дней. Ну, а через девять месяцев я родился.

Отец пропал без вести накануне прорыва блокады Ленинграда. Я и запросы отправлял в архив, и сам пытался искать – всё без толку. Я и Гришку-то назвал в его честь. Ладно, – мотнул головой хозяин дома, отгоняя нахлынувшие воспоминания. – Пойдём за стол, а то гости, наверное, заждались.

За столом Снежин ел отрешённо: все его мысли были там, на кладбище, где возле костра вот уже восемьдесят с лишним лет ждал, пока его найдут, молодой старлей Гриша Клименко – тёзка и родной дед его лучшего друга.

– Ты ешь, ешь. – Валерия Игоревна всю старалась накормить гостя, подкладывая в его тарелку заливное из языка, телячьи котлетки и бутерброды с красной икрой. – Ну, за здоровье именинника!

Сергей за время застолья выпил три неполные рюмки чистойшей кубанской самогонки, переданной генералу бывшим сослуживцем, ещё раз поздравил именинника и, поблагодарив хозяев, встал из-за стола.

Гриша поднялся, чтобы его проводить. Майор уже собирался рассказать другу про его деда, но, увидев, что тот уже изрядно хорош, решил повременить с рассказом до завтра. Сейчас ему не терпелось проверить, действительно ли под сосной рядом с поляной призраков ждёт своего часа именно Григорий Иванович Клименко.

– Гриш, а как твою бабушку по отцу звали? – спросил он у друга, вышедшего вместе с ним на улицу.

– Валентина Васильевна. А что?

– Потом расскажу. Сначала проверю кое-что.

От Гришкиного дома до кладбища было недалеко, и Снежин отправился пешком, решив сэкономить на такси, так как почти последние деньги отдал за подарок имениннику. Заодно не мешало проветриться и привести мысли в порядок.

Кладбищенская сторожка встретила его все теми же тёмными окнами. «Вот охранник! Выноси что хочешь, заноси кого хочешь», – возмутился майор, подумавший, что лучшего места, чем спрятать криминальный труп, не найти. Заряженный фонарик не понадобился: уличное освещение у сторожки-администрации, луна и звёзды на ясном небе освещали путь ночного посетителя так, что видно было и дорогу, и все тропинки.

«Надо же, совсем не страшно! Скажи мне кто ещё неделю назад, что я буду ночами бродить по кладбищу, покрутил бы пальцем у виска, – размышлял Сергей по пути к поляне призраков. Так он окрестил место сборища новых знакомых. – Почему люди боятся ходить ночью на кладбище? Потому что боятся встретить призраков. Я их уже встретил. Более того, сам иду к ним. Значит, мне бояться нечего».

Компания располагалась на прежних местах, но кого-то явно не хватало. Как только он приблизился к столу, раздались аплодисменты. Несколько пар призрачных рук издавали звук, похожий на громкий шелест листвы на ветру.

Все: и милицейский капитан, и бойцы у костра, и поручик с невестой, и сидящие за столом красавица с пожилой дамой – смотрели на него как на героя. Даже Луценко с Лукиным на время прекратили свои споры о политике. Седовласая дама, которую Сергей окрестил графиней, уж очень та была на неё похожа в его представлении, вышла из-за стола и подошла к Снежину.

– У вас получилось, вы большой молодец, сударь! – радостно сообщила она. – Лусине с нами больше нет! Это и нам даёт надежду. Хотя в моём случае не всё так просто.

– А как она... ушла? Куда? – спросил Снежин. Размышляя о Гришином дедушке, он совершенно забыл про девочку.

– О, поверьте, это оказалось весьма зрелищно! – ответила графиня. – Сначала Лусине заметила, что её волосы и одежда начали высыхать. Она обрадовалась и принялась что-то говорить Вере.

– Она сказала, что, кажется, у дяди Серёжи получилось, – объяснила Вера.

– Потом вдруг небо над нашей поляной посветлело, появился яркий луч света, как от мощного прожектора. У самой земли луч превратился в светящееся облако. Лусинка обняла нас с Верой и побежала навстречу свету, вошла в него, оглянулась, помахала ручкой и исчезла вместе с ним, таким манящим... – грустно вздохнув, добавила графиня.

– Она просила вам кое-что передать, – вновь заговорила Вера. – Дословно: «Мальчикам тоже очень мокро».

Сергей мысленно поблагодарил Лусине за подсказку. Но что значит мокро? Их тоже оплакивают? Наверное, Лусине было бы проще объяснить это так. Или дело не в этом, а в местности? Вода! Озеро или болото? А может, колодец? Пока понятно только то, что мальчики где-то недалеко и в воде.

– Дорогие мои... друзья! – не зная, как обратиться сразу ко всем присутствующим на поляне, заговорил тронутый радушным приёмом Снежин. – Я постараюсь помочь каждому из вас, сделаю всё, что в моих силах. Не знаю, почему именно мне выпала эта миссия, возможно, я очень сильно переживал гибель моих родных и на эмоциональной почве у меня случился какой-то сдвиг, но я об этом не жалею, потому что это не противоречит моим принципам. Я живу и работаю для того, чтобы помогать людям, пусть даже таким необычным способом.

– Отрадно слышать ваши слова, милостивый государь! – произнёс поручик Данович. – Возможно, с вашей помощью кому-то из нас повезёт, как тем, кто раньше был среди нас, а потом вдруг ушёл туда, – поручик показал на небо.

– Если вы о том мордовороте, который всё ждал, что его отмолит какая-то «братва», то у него хоть было от кого этого ждать. Он, помнится, меньше месяца с нами провёл, – вспомнила невеста Аннушка.

– В теленовостях его бы назвали «лидер ОПГ», – вмешался Олег. – А по мне, так бандюган он и есть бандюган. Вы помните, в чём он явился? – обратился он к остальным призракам.

– В чём-то красивом, – ответил Лукин.

– Ну да, в красивом, – вступила в диалог Вера. – Только один его костюм не меньше тысячи долларов стоит. Цепь золотая с палец толщиной и крест, больше, чем у патриарха. Печатка с бриллиантом. «Ролекс» с платиновым браслетом на руке. Дорого-богато!

– Он рассказывал, что часовню где-то построил и деньги детскому приюту ежеквартально, как он выражался, «отстёгивал», – вступился за братка поручик. – Вот и отпустили ему, видать, грехи – всё-таки отмолила эта... как её... братва.

– А судью, у которого внука похитили? – вспомнила Анна. – Это вёсен тридцать назад было. Он покончил с собой, но его всё равно взяли наверх.

Майор слышал про историю с судьёй-самоубийцей, но ни о каком похищении там речь не шла. Это было в начале 90-х. Говорили, что судья за большие деньги вынес лидеру ОПГ по кличке Коршун оправдательный приговор и в тот же день пустил себе пулю в лоб прямо

в комнате для совещаний. Якобы ФСБ слушало его разговоры. Об этом Сергей и поведал всегдашней поляне призраков.

– Совсем не так всё было! – возмущённо возразил фронтовик Луценко. – У судьи похитили пятилетнего внука, прямо в тот день, когда он должен был огласить приговор. Ему позвонили и предупредили: если не отпустит из зала суда этого Коршуна или вздумает перенести заседание, внука получит в разобранном виде. Ну, Алексей Михайлович – надо же, имя помню – и сделал всё для спасения ребёнка.

Мы с ним общались по душам. Он говорил, что впервые в жизни пошёл против закона и собственной совести. Правда, эти сволочи слово сдержали – вернули пацанёнка невредимым.

– Надо же, а у нас до сих пор судью Павлюкова продажным считают. – Снежин вдруг ощутил весь тот кошмар и безвыходность положения, которые пришлось пережить честному судье.

Графиня нарочито кашлянула.

– Я много размышляла о нашем положении, благо у меня было на это более семи десятилетий, и пришла к выводу, что кому-то из нас не дают уйти совершенные в жизни ошибки, – замялась она. – Ладно, назовём вещи своими именами – грехи, которые не пускают ни в царствие небесное, ни в геенну огненную. Вроде как и прямиком в рай недостойны, и ад для них слишком жёсткое наказание. Кто-то вынужден ждать достойного погребения и поклонения от потомков, как Григорий с Павлом. С кем-то произошла чудовищная ошибка и нужно восстановить справедливость. У каждого из нас своё препятствие. Беда Лусине оказалась вам по зубам. Одолеете ли вы наши беды?

– Я думаю, раз наш друг обещал, он, по крайней мере, попытается. Иначе в его появлении здесь просто нет смысла, – поддержала Вера Сергея.

– Совсем забыл! У меня есть ещё одна хорошая новость. И она для Григория, – произнёс Снежин, обращаясь к сидящим у костра разведчикам.

– Что?! Что такое? – Гриша вскочил и подбежал к Сергею. Он был сильно взволнован. Сергей помялся, думая, как обращаться к бойцу – на «вы» или на «ты». Ведь павший воин моложе его почти на двадцать лет, а по факту на все семьдесят два года. Правда, бойцу навеки останется двадцать три.

– Ваше полное имя Клименко Григорий Иванович? Вы местный?

– Да, да, Клименко я, Григорий Иванович! – Гриша вдруг чего-то испугался, как будто пойманная удача вот-вот от него ускользнёт.

– Ваша жена – Валентина Васильевна?

– Так точно! – боец вдруг перешёл на шёпот.

– Поздравляю! Вас помнят и любят и всё время после войны не переставали искать.

– К-кто?

– Сначала супруга, потом сын Саша. У вас есть внук Гриша, которого назвали в вашу честь, и внучка Лена. Даже правнучка уже есть, Кира, ей пять лет.

– Это правда?! Товарищ майор, правда?! Помнят?! – Гриша перешёл с шёпота на крик.

– Конечно, помнят! Ваш внук Гриша – мой лучший друг, мы служим вместе. Я хорошо знаком с вашей семьёй. Вчера был у них в гостях. Ваш портрет стоит у Александра Григорьевича – вашего сына – на самом почётном месте.

Гриша плакал. Остальные молчали. Размазывая, как ребёнок, слёзы по лицу, старлей что-то шептал, глядя в ночное небо, потом отошёл в сторону, за дерево. Видимо, не хотел, чтобы слёзы видели другие. Но Снежин пошёл за ним.

– Вами очень гордятся, Григорий Иванович! – Сергею всё же непривычно было обращаться на «вы» к двадцатитрёхлетнему пацану. Однако выбор сделан. – Ваш сын вырос хорошим человеком, героем. Он военный, генерал-артиллерист, внук – офицер полиции, внучка –

детский врач. К сожалению, ваша жена умерла много лет назад. Я не знаю, где она похоронена, но могу выяснить.

Разведчик Клименко жадно впитывал каждое слово о своих потомках.

– Ваша жена рассказывала сыну, как вы в отпуск приезжали ну и... его зачали.

– Да какой там отпуск! На пару дней к ней вырвался – и снова в часть. Ну ничего, мы успели, как Олег говорит, покувыркаться, – засмутился Гриша. – Больше я её и не видел. Значит, не зря отпустили. А Валя с сыном, значит, из эвакуации в родные места вернулись... Присядем! – предложил он Снежину.

Мужчины уселись на ствол поваленного дерева.

– Сергей, а что теперь? Меня... нас найдут?

– Конечно! Вы же укажете мне точное место. Но есть сложности. Когда ваш сын писал запрос в архив Министерства обороны, пришёл ответ, что вы пропали без вести в начале января 1943 года при прорыве блокады Ленинграда. Но точное место не указано. Поэтому, когда мы вас поднимем, нам придётся доказывать, что вы – это именно вы. Остались при себе какие-нибудь металлические предметы, вроде подписанной кружки или ложки? Часы с надписью или, лучше всего, смертный медальон? Это такой...

– Да знаю я, что это. Только мы же в разведку уходили – сдали все личные вещи, награды и документы. Ничего, кроме обручального кольца, нет. Оно простенькое, серебряное. Когда на задание пошли, я его снять не мог, пальцы отекали. Оно и сейчас со мной. Вот оно. Внутри я ещё перед свадьбой гравировку сделал: «Г и В. Любовь вечна». У Валентины такое же было. Да! Зуб ещё железный, правый клык! Родной в драке потерял перед войной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.